Лариса Ворошилова

Женька и миллион забот

Лариса Александровна Ворошилова
Женька и миллион забот

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671875

Аннотация

Все знают, что у каждого человека есть свой ангел-хранитель. Но вот встретиться с ним лицом к лицу, да к тому же еще и вляпаться в приключения с его помощью – это уже совсем другое дело. А вот Женька Костырина – художница по профессии и растяпа по натуре – на собственном опыте узнала, что такое настоящая забота такого вот ангела. Ей и в голову не приходило, что все ее неприятности – дело его пушистых рук. Почему пушистых? А почему бы и нет? В конце концов, кто сказал, что ангел обязательно должен быть блондинистым красавчиком с белоснежными крылышками и ангельским характером? Ангел ангелу рознь. И благодеяния тоже бывают разные. Сначала Женьку увольняют с работы, срывается поездка в Америку, исчезает жених ее лучшей подруги… И только находчивость самой Женьки, да помощь ее друзей позволяют с честью решать проблемы. Но что ни делается, как говорится, все к лучшему. И исход всех приключений лишь подтверждает поговорку: не было бы счастья, да несчастье помогло… Вот такие они, эти ангелы-хранители…

Содержание

Глава 1, в которой ничего не подозревающая Женька собирается в отпуск	4
Глава 2, в которой Ниночка едва не умирает от горя	40
Глава 3, где Женька убеждается: за одного старого друга двух небитых дают… н-да!	59
Глава 4, в которой две подружки ищут утопленника	70
Глава 5. Непрошенный гость, или ночное приключение…	105
Глава 6. И нет нам покоя ни ночью, ни днем…	123
Глава 7, которая приводит Женьку в гости	140
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Лариса Ворошилова
Женька и миллион забот

Оно не то, чтобы конечно,
но случись такое дело,
и вот тебе, пожалуйста.

Глава 1, в которой ничего не подозревающая Женька собирается в отпуск

Работником среднего звена является послушник, прошедший обучение, подготовку и стажировку под патронажем наставника из числа работников среднего звена и освидетельствованный экспертизой Выездной Комиссии Верховной Канцелярии по делам ментализации. (Кодекс Порядка, Статья 2, § I)

Боялся он, страсть как боялся. Коленки тряслись, в животе крутило. Нагорит ему сегодня, как пить дать нагорит. Кирюшка в этом нисколько не сомневался, если уж **Сам** вызвал… После таких «вызовов» ряды работников среднего звена – как они именовались по всем номенклатурным спис-

кам Верховной Канцелярии – кого-нибудь недосчитывали. Совсем еще недавно на его, Кирюшиной памяти, бесследно исчез Савелий. Просто был ангел, и нет его. То ли сослали. То ли распылили. Иной раз и не знаешь, что лучше – совсем исчезнуть или мотать срок домовым в местах «с повышенным уровнем энергозабора». Что это за места такие, Кирюшка хорошо себе представлял – не куда-нибудь в приятное местечко, за печку к бабушке, или городскую квартиру со всеми удобствами, а в какой-нибудь сиротский приют, в глубинке, или дом престарелых, или интернат для инвалидов. Где крыша течет, полы проваливаются, стены штукатурной паршой осыпаются, тараканы бегают прямо по тарелкам, а крысы до того разъелись на казенных харчах, что морды у них толще задов кошачьих.

И ведь что, собственно, такого Савелий натворил? Да ничего. Просто Кодекс Порядка как следует прочитать не удосужился. И наверняка же потом оправдывался: мол, знать не знал, ведать не ведал… ан нет! Незнание Кодекса не освобождает от ответственности. Вот и сослали. Или распылили. Такой участи Кирюшка для себя не хотел.

Он стоял посреди темного помещения – если эту пустоту вообще можно было назвать помещением, и невольно ежился от предчувствия грядущих неприятностей.

Хозяин появился сразу. Не постепенно формируясь из ничего, а как бы в одно мгновение переместившись откуда-то из далека сразу сюда. И его… тело… а это иначе никак боль-

ше и назвать было нельзя, соприкоснулось с Кирюшкиным, горяче-колющей волной пронизав от мохнатых пяточек, до самой макушки. Ангел со страхом втянул головенку в плечи и закрыл глаза. Авось пронесет!

Не пронесло.

– Итак? Чем можешь похвастаться?

Кирюша замотал головой, не открывая глаз. Страшно было до одури. Коленки затряслись крупной дрожью. Хотелось пасть на четвереньки и забиться куда-нибудь в угол… если бы это еще помогло.

– Чего головой трясешь? Рассказывай!

Голос был бесплотен, как и сам хозяин, явившийся устроить выволочку нерадивому работнику. Но внушал настоящий ужас.

– Ничего у меня не получается! – неожиданно для себя выдавил Кирюшка, невольно поддаваясь панике. – Я стараюсь, стараюсь… а все мои труды насмарку!

– Это почему же насмарку? – голос звучал спокойно, но легче от этого не становилось. – Тебе вверена одна… одна? – проконсультировался у кого-то хозяин, – одна живая единица. Молода, симпатична, талантлива, умница… умница? – в голосе прорезались нотки сомнения. – Нет? Ну, скажем, не полная… дура, чего же тебе еще? Ты с ней уже год как мучаешься, из-за тебя всю канцелярию на уши поставили. То тебе одно не так, то другое. Когда дело сделаешь?

– Я не виноват! – запищал Кирюшка, точно его уже при-

говорили и вот-вот станут производить изъятие энергоформирующего материала. – Она сама мне мешает! Я ее в одну сторону толкаю, а она в другую тянет. А у нее аура – ого какая аура! И сила у нее…

– Про ауру можешь не говорить, про силу тоже, – властно перебил хозяин. – Запомни, у тебя всего две недели. Если не справишься, разжалую в домовые. Понял?

– Понял, – тяжело вздохнул Кирюшка.

– Чего вздыхаешь? – казалось, голос слегка смягчился.

– Да это я так, от расстройства, – обнаглев от отчаяния, пискнул ангел.

– Расстраиваться будешь через две недели, если работу не выполнишь. Впрочем, я тебя тогда сам расстрою до невозможности. И запомни: делай, что хочешь, но только чтобы через две недели она у тебя счастливая была и при деле! Понятно?

Кирюшка открыл было рот, собираясь сказать, что, мол, две недели – не срок, он уж вот год с ней мается, а толку – чуть да маленько. Но Хозяин и слушать не стал.

– А теперь пошел вон.

И дунул. Кирюшку вымело из пустоты, точно пылинку. Он смачно шмякнулся на пол прямо посреди гомонящей толпы. Дикий женский визг резанул по ушам. Ангел метнулся между ног, ища хоть какую-нибудь дырочку. Кто-то заполошно вскочил на стул, мимо пролетел и шлепнулся на пол кусочек сыра.

– Бей ее! Бей! – голос гудел над головой, точно полковая труба. Что-то тяжелое хлопнуло за спиной. Кирюшка прибавил ходу. А вот и спасительная дырка. Он шмыгнул в нее, едва не застряв. Хлоп! Жесткая подошва туфли все-таки успела весьма чувствительно приложить по пушистому заду, одновременно проталкивая его внутрь.

Фух! Слава Богу! Спасся! Кирюшка в изнеможении свалился в узком проеме, переводя дыхание. С этими проклятыми переходами всегда так. Становишься не просто видимым, но еще и уязвимым.

– Упустили, – разочарованно констатировал чей-то теноpок. – Эх вы, мазилы!

Ничего себе – мазилы! Кирюшка с досады потер круглый огузок, по которому пришелся весомый удар.

– Тебе бы так по жопе, – недовольно проворчал ангел-хранитель.

Люди в комнате явно готовились праздновать. Есть что, с тоской подумал Кирюшка. Вот если только завтра его патронируемая отправится в Москву, то фиг он сможет уже ей помешать.

Хозяин дал ему две недели. Да какие там две недели? Нет у него их. Нет! Действовать надо прямо сейчас, немедленно, иначе – труба… вернее на всю жизнь поселишься за трубой. А еще, глядишь, и домик ему выделят – не ахти какой, постарее, да помшистее, да еще, не дай бог, со старыми домовыми… или остаточным энергетическим фоном… вот уж

тогда точно Кирюшка намается по самые мохнатые уши.

В голове сам собой стал складываться план действий. Нахрапом такое дело не возьмешь, это Кирьян уже понял. Тут нужна военная стратегия, хитрая, как Кутузовская в войне 1812-го года. Во-первых, не дать подопечной смыться. Это-то как раз особых вопросов не вызывало. Устроить можно. Во-вторых, лишить ее уютного местечка в рекламной фирме. Это тоже не проблема. В-третьих, найти ей такое занятие, которое бы соответствовало ее таланту… хм, вот это уже посложней. Кирюшка задумался, машинально почесывая ушко. И, в-четвертых, самое сложное, обеспечить личное счастье для отдельно взятого индивидуума. Тут поневоле призадумаешься. И все же, черт побери, ангел он или нет? У других восхождение начиналось с разряда домовых. Случайно появляясь на свет, слабыми, жалкими комочками энергии, они годами, а то и десятилетиями жили в лесах, в чащобах, укрывались по подвалам, питаясь эманациями, что называется «низкоментальных» существ – ну, жаб, там, разных, ящериц. Да, такое существование раем никак не назовешь. Да уж какой тут рай! Ад настоящий! Кирюшку аж передернуло при одной только мысли о тех грязных и низких эманациях, которыми этим бедолагам приходится питаться. А куда деваться? Жить-то хочется! Вот потому они потом так медленно и развиваются. Год за годом, столетие за столетием. И уж развившись до определенного уровня ментальности, становятся кто домовым, кто лешим, кто кикиморой,

и уж потом, гораздо позже – ангелом-хранителем. И мечта каждого такого ангела стать эгрегором высшего порядка. Чтобы тебе и почет и уважение. У них и власти побольше, и опекаемых не десяток, и даже не сотня, а тысячи, а то и десятки тысяч. А уж попасть в Боги… Это тебе… это тебе просто как джек-пот… а ведь случалось, дослуживались…

Впрочем, дело-то ведь не в почете и уважении. Это – дело десятое. Главное – чем ты сильней, тем больший объем энергетического эквивалента можешь переработать. Масштаб другой. Правда, и ответственности больше, но зато уж, став высшим эгрегором, можешь развернуться от всей души. Твори себе – ни тебе начальства, ни тебе проверок, ни…

Кирюшка встряхнулся:

– А, гори все синим пламенем, – он плюнул на ладошки и с азартом растер. – Делай, что хочешь? Ну, так я тебе вот что скажу: она у меня не то, что через две недели, она у меня через три дня будет счастливая до невозможности, не будь я ангелом-хранителем! И плевать мне на правила! Теперь я – сам себе правила!

* * *

В редакции рекламной компании царила оживленная суматоха. Накрывал столы, сдвинутые вместе в самом центре маленького, полуподвального помещения. Обычно здесь сидело всего четыре человека, а сейчас собралась целая орава.

Кто-то перетаскивал с места на место стулья. Девчата нарезали всякие вкусности, еще пятнадцать минут назад принесенные из магазина, расположенного через дорогу. И всем естественно не терпелось поскорее сесть за стол, выпить и закусить.

Повод был, даже целых три. Во-первых, День Первомая, который с советских времен еще никто не отменял. Как ни крути, а народ праздники любит, уважает и обязательно справляет независимо от средств, возможности и занятости. Во-вторых, вся контора «сидела на коробках», собираясь перебраться в более просторное помещение, можно даже сказать «офис» в самом центре города в одном из престижных деловых зданий. Уж это обязательно надо было отметить. В третьих, близилось лето, а лето у нас, как известно, один сплошной праздник. И, в-четвертых, Евгения Костырина, художник-дизайнер, собиралась в отпуск, да не просто в отпуск, а в Америку. С Америкой история была такая: одна бывшая русская дама, вышедшая замуж за американца, познакомилась с тамошней дамой, незамужней, и запудрила той мозги насчет того, как в России хорошо и здорово, а та возьми, да отправься в эту самую Россию слегка развлечься, а поскольку… ай, да что это я? Потом расскажу.

Худощавая, черноволосая Женька развернулась и чуть было не столкнулась с Татьянкой, которая, водрузив на пышный бюст огромное блюдо с тяжелым тортом, величественно, точно линкор, проплывала мимо. Женька поднырнула под

блюдо и облегченно вздохнула, почувствовав, что опасность миновала.

Телефон зазвонил как всегда – некстати. Кто-то тут же отреагировал.

– Женечка, это тебя!

Женька с трудом протиснулась между шкафом и столом, рискуя снести тарелку с нарезанной тонкими ломтиками колбасы. И только собралась походя слямзить один из них, как получила нагоняй от бдительной Верочки:

– Ну, ты, виновница, а ну-ка руки прочь…

– Ой-ой-ой, какие мы строгие!

– Женька, ну ты идешь? Человек же ждет! – кричала Валентина с другой половины комнаты, призывно потрясая телефонной трубкой над головой.

– Женечка, у тебя что, кавалер завелся, да? – поинтересовалась любопытная Раиса, чей острый носик то и дело совался в чужие дела. Она раскладывала домашние огурчики по тарелкам – такие крохотные, аппетитно-зеленые, с нежными пупырышками, что если бы даже у нее никаких других достоинств и не имелось, за одни эти огурчики Раиску стоило терпеть в коллективе, но, конечно же, достоинства у нее имелись… ну, это как-нибудь в другой истории, ладно?

– Голос женский, – тут же объявила Валентина во всеуслышание, снижая интерес к неведомому абоненту сразу до точки замерзания.

Наконец, Женька протолкалась к телефону. Еще три ме-

сяца назад ослепительно белый аппарат, а теперь грязный, потертый и серый, красовался на старой тумбочке с зеркалом. Пользовались им все сотрудники компании – если маленькую фирму с общим штатом в пятнадцать человек вообще можно назвать компанией – безбожно часто и много. И сколько бы Палыч, как между собой называли начальника за глаза, ни шипел на них, женский коллектив умудрялся игнорировать все его стремления прекратить подобное безобразие. Подобные попытки однозначно рассматривались, как покушение на свободу слова.

Женька машинально глянула на свое слегка кривоватое отражение в зеркале, поправила челку, приложила липкую трубку к уху – кто-то успел цапнуть ее сладкими руками – и рассеянно произнесла:

– Слушаю!

– Ой, Женечка, привет! – раздался на другом конце голос подруги ее детства, Ниночки Фелюжной, в ближайшем будущем Хлопковой. – Миленькая, как хорошо, что я тебя застала, ну ты просто не представляешь! Я тут туфли выбираю…

– Погоди, погоди, – перебила ее Женька, снова заглядывая в зеркало и, послюнявив палец, закрутила выбившуюся прядку над левым ухом. – Ты откуда звонишь?

– Из магазина, конечно, мне тут целую гору туфлей принесли. Я понимаю, понимаю, тебе сейчас некогда, уже, небось, столы накрываете, все-таки последний день перед отпуском, – затарахтела она в трубку, не давая Женьке опом-

ниться. – Но мне твой совет нужен, ну прямо позарез… Понимаешь, туфельки – просто прелесть, острый носок, высокий каблучок, не очень широкий, но и не совсем тоненький…

– Рюмочкой, что ли? – тут же встрепенулось Женька, немедленно присаживаясь на тумбочку и ненароком приминая под собой невесть как оказавшуюся здесь булку в полиэтиленовом пакете.

– Что рюмочкой? – сразу же полюбопытствовала шустрая Татьянка, оказавшаяся рядом. Она не без труда выдернула из-под Женьки помятую булку с маком. – Что рюмочкой?

– Каблуки, – одними губами проартикулировала Женька. – Туфли к платью подбирает.

– Сейчас никто на рюмочках не носит, не модно, – проходя мимо, вставила Раиса. – На шпильках лучше…

– Конечно, ноги ломать по нашим российским колдобинам, – тут же парировала Татьянка.

– Зато они с длинными носами, – вставила Женька.

– Это что, вот эти современные, длинноносые Буратино? – ужаснулась Татьяна, картинно хватаясь за грудь. – Фуй, уродство! Вот скажи же, уродство! – апеллировала она ко всем сразу и ни к кому в отдельности: – Ну, хочется тебе повыпендриваться – надень лыжи и пройдись по улице. Гораздо больше эффекта будет.

– …носок узкий, вроде как итальянские, тут даже лейбл какой-то есть… погоди-ка, сейчас прочитаю… ой, да лад-

но… они такие все белые-белые, а впереди… – продолжала тарахтеть Ниночка на том конце провода.

– А колодка устойчивая? Ты их как следует примерила?

– Ой, Женечка, колодка просто прелесть! Я в них влезла, теперь вот даже вылезать не хочется. Геночка говорит…

– Твой Геночка ни черта не смыслит в обуви, – безапелляционно заявила Женька.

– Почему же это он ничего не смыслит? – тут же оскорбилась Ниночка.

– Потому что, кроме самих модельеров, ни один мужик ни черта в этом не смыслит, – весьма резонно заметила Женька не допускающим возражения тоном. – Они на тебе? Потопай ногами! Потопала? Не слышу… ага, вот так-то лучше… Что? Что продавец говорит? Что ты топотишь, как стадо мамонтов? А ты его спроси, ему туда нашу Валентину не прислать? Она одна ему заменит не то, что стадо мамонтов – всю мезозойскую эру[1]! – Женька подождала, когда Ниночка осадит наглого продавца. – Теперь пройдись. Пятка не съезжает?

– Татьянка, где булка с маком? – кричала с другого конца комнаты Верочка.

Татьянка размахнулась и зашвырнула булку вместе с па-

[1] Тут, конечно, Женька наврала круто! Но мы ее винить не будем. Откуда у нее быть глубоким познаниям в истории, если в школе она ее не учила и постоянно прогуливала, а представление о биологии у неё сводилось к одному непреложному закону: всё, что бегает, прыгает, плавает и летает обязано плодиться и размножаться. На этом ее знания заканчивались.

кетом в самую гущу толчеи.

– Отлично, а теперь повернись. Как это куда повернись? Вокруг себя повернись, балда! – продолжала командовать Женька. – Подойди к зеркалу, посмотри общий вид. Ты в платье? В каком? В том, лиловом? С глубоким декольте? А поверх платья что? – Женька шепотом выругалась, прикрыв мембрану ладонью, закатила глаза, потрясла головой, и только после этого вернулась к разговору: – Оно же тебе совсем не идет! А где твое оранжевое, в разводах? Что? Не влазишь? Растолстела? Мороженого с тортами меньше трескать надо…

– ???

– …да-да, вот-вот… Ладно, возьмусь я за тебя, ты у меня быстро дойдешь до состояния сухофрукта.

– Да кому это надо? – возмутилась Татьяна. Она на правах подруги стояла рядом и прислушивалась к каждому слову. – Пусть ест, что хочет и толстеет, как вздумается. А эти мужики совсем озверели. Насмотрелись всяких шоу от Кутюрье, там же, на этих подиумах одни воблы дефилируют – суповой набор на выезде, – Татьянка презрительно хмыкнула, – так что нормальные бабы уже и не котируются. Всем одних вобл подавай. Тоже еще, любители пива.

– Между прочим, – вставил со знанием дела Жорик, на минуту оторвавшись от игры, – в Европе уже в модели только фитнесисток берут. У них бампера знаете какие! – в его голосе слышалось неподдельное восхищение. – Моника Брандт

да Сюзи Карри круче всех. Я вот в интернете один сайтик наковырял…

– Слушай, ты, специалист по ковыряниям, не нарывайся, а то останешься без сладкого, – тут же остудила его пыл Татьянка, которой очень не понравилось, что какой-то там Жорик вот так, за здорово живешь, перебивает ее умные мысли. К тому же она терпеть не могла женщин, которые занимались каким-либо видом спорта. Она считала это занятие глупым, бессмысленным и… как бы это получше выразиться – попахивающим мужским шовинизмом. А мужской шовинизм Татьянка не переносила ни в каком виде, даже если это было простое замечание в маршрутке: «Девушка, закройте за собой дверь!» – Так вот… я чо хотела сказать-то? А! О! Вон, Сущевская, подала объявление в газету, мол, хочу познакомиться и всякое такое. Ну, встретились, ну, поговорили. Так ты представь, он ей заявляет: мол, тебе, барышня, не то, что на такси, на трамвае ездить нельзя. А еще лучше за этим трамваем бегать туда-обратно по всему городу, пока весь жир не стрясешь.

Женька замахала рукой: не до того, мол. Но Татьянка не отставала:

– Допохудалась у меня одна. Помнишь Шурку? Ну, маленькая такая… страшненькая… ой! Да знакомила я тебя с ней! На новый год… крашеная брюнетка… да платье на ней еще было такое, голубое, в искру, – Татьянку передернуло, – жуть! Так вот, ейный жених прямо в день свадьбы сбежал и

даже записки не оставил.

– Платье подбери, до колен подбери, – тем временем командовала Женька, деловито слушая подругу и кивая в такт словам: да, мол, жалко бабу, столько стараний, и все коту под хвост. – Та-ак! Мне кажется, нормально. Бери, – Женька снова зажала микрофон ладонью. – У Ниночки жених – что надо, не чета другим, такой не бросит, – со знанием дела заверила Женька. – Он ее любит. Хороший парень.

– Все они хороши, пока спят носом к стенке, – констатировала Татьяна. Она считалась крупным специалистом по мужчинам вообще, и по свадьбам в частности. Успешно разведясь четыре раза за последние шесть лет, Татьяна выдала замуж уже не один десяток подруг, и в ее планах Женька давно фигурировала на первом месте, но пока безуспешно. – Сейчас мужика содержать вообще нерентабельно, – хмыкнула она презрительно. – Одни убытки, – она принялась загибать пальцы: – Вот смотри: жрет, как мастодонт. Храпит, как старый мерин. Налево гуляет, как заправский кобель. Да еще и воняет от него, как от козла.

По всем описаниям получался настоящий зверинец. Любой зоопарк обзавидовался бы! Женька продолжала кивать. Ну да, Татьянка искренне считала себя передовой женщиной – ни один мужчина не задерживался в ее квартире дольше полугода, да и то, если бедолаге сильно повезет.

– Это точно, – вставила Валентина, на секунду оторвавшись от сыра, который тонкими ломтиками раскладывала на

тарелке. – Я вот что тебе скажу, Татьяна, не торопись опять замуж. Ты их четыре поменяла, и что? Хоть какой толк-то в этом есть? Все, как один – бестолковые! Вот мой, вроде как начальник цеха, ответственный человек, образование высшее, инженер, а ровно дите малое… нет, ты вот представь. Им на завод из техникума…

– Из колледжа, – перебила ее со знанием дела Татьянка. – Это теперь так называется.

– Ну да… из колледжа прислали группу студентов, это вот, перед новым годом случилось, сама помнишь, снегу тогда навалило – жуть… ну, на крыше цеха целый сугроб. Мой пошел к главному инженеру, говорит: мол, выдели человека снег убрать с крыши. Неделю надоедал. Ну, тот не поскупился, выделил студента, а какой он там, к черту, студент, пацану лет пятнадцать. Ну, представь, дали ему лопату в руки и загнали на крышу. А там ограждения нет, да еще крыша покатая, скользко. Мой проходит мимо и видит, как пацан лопатой на крыше машет. А внизу главный инженер стоит и за ним наблюдает – чисто кино. Ну, мой не удержался и говорит: мол, чего ты пацана на крышу загнал, а если он оттуда вниз головой тяпнется… Так главный его чуть не прибил. Разорался: иди тогда и сам убирай. Так мой ему – должность не позволяет авторитет ронять. Ну не дурак? – апеллировала она к Татьяне, которая, казалось, одна только это излияние и слушала с интересом. – Нашел с кем собачиться, с главным инженером? Надо же хоть какое-то понятие иметь:

с кем вась-вась, а с кем – кусь-кусь. Еще бы пошел директору, в морду плюнул. – Валентина покачала головой. Татьянка внимала и беспрестанно кивала, поддерживая разговор. Даже Женька заслушалась, забыв и о Ниночке, и о туфлях. – И вообще, я тебе так скажу: за мужиками глаз да глаз нужен. Они как вместе мужской компанией собираются, ну, веришь ли, чисто малолетки в детском садике. Вот тока еще из песка куличики не лепят разве. А уж какая нынче молодежь… – она разочарованно махнула рукой, едва не запечатав ломтиком ароматного сыра прямо Татьянке по носу, – я и говорить не хочу. Бестолковая, одно слово.

– Не такая уж бестолковая, – снова вставил свое веское слово Жорик. Был он субтилен, низок, с худосочными ляжками и отвислым брюшком, и служил в конторе так называемым системным администратором. Хотя, в сущности, чем он на самом деле занимался – никто представления не имел, поскольку весь женский коллектив видел только его лысеющий затылок, а его очкастые глаза все время таращились в монитор. Если его не донимали вопросами и проблемами, он только и делал, что кого-нибудь мочил, громил и гонял в компьютерных игрушках… – И не вся она такая.

– А ты, халявщик, лучше помолчи, – взвилась Татьянка. – У нас тут женский разговор. Шел бы, погулял…

Неизвестно, чем бы закончилась эта маленькая перебранка, если бы Женька не воззвала к порядку:

– Девчонки, ну имейте совесть! Дайте с человеком пого-

ворить!

Все тут же занялись своими делами, Татьяна бросилась помогать Валентине, на короткое время в офисе наступила относительная тишина. Жорик вернулся к компьютерной игре, но процесс выколачивания мозгов и резание глоток никак не клеился, поскольку парень невольно отвлекался каждый раз, когда мимо его носа проносили какой-нибудь очередной деликатес. Его уже в сотый раз «мочили» не по-детски, и приходилось переигрывать. Женька снова вернулась к разговору с Ниночкой.

– А рюши на платье их закрывать не будут? Как они, в оттенке не расходятся?

– Атас! Геночка говорит…

Но тут дикий, нечеловеческий вопль прорезал тишину. Татьянка подскочила, как сумасшедшая, тарелка с кусочками сыра взметнулась к потолку, а перепуганная сотрудница – ракетой на стул. Женька только успела заметить маленькую серую тень, скользнувшую между ног.

– Бей ее! Бей! – заорала, как ненормальная Раиска, а Верочка тут же, точно старый полковой конь кинулась в атаку, на ходу стаскивая туфлю.

Хлоп! Мимо, пока Верочка замахивалась вторично, серый пушистый комочек успел смыться, едва протиснувшись в щель между плинтусами. Бац! Напоследок гибкая подошва туфли пришлась по плинтусу…

– Упустили, – разочарованно констатировал Жорик, на

секунду отрываясь от игры. – Эх вы, мазилы!

– Ну, ты, кавалер, между прочим, обеспечивать безопасность дам – это обязанности сильного пола, – укоризненно заметила Татьянка, опасливо слезая со стула и оглядываясь по сторонам. Сыра на тарелке не было. Отдельные ломтики попали на головы сотрудников, кое-что повисло на шкафу, кое-что долетело до пола.

– А вот с этим я могу поспорить, – заявил Жорик, довольный тем, что затронули его любимую тему. Он развернулся на стуле-вертушке, удобно облокотившись на край стола и приготовившись со вкусом порассуждать. – Доказано, что женщины более выносливые, легче мужчин переносят ранения и потерю крови, они меньше болеют, дольше живут, – старательно загибал он костистые пальцы, – так что еще неизвестно, кто из нас – сильный пол. Может статься, вам нас надо беречь как зеницу ока, холить и лелеять…

– Ну да, пока вы все не вымерли, точно мамонты, – вставила Женька с досадой и снова приложила трубку к уху.

– Кто вымер? – озадаченно поинтересовалась Ниночка на том конце. Все ее мысли были заняты одной только свадьбой, и конкретно туфлями.

– Да так, никто. Ну, так что там говорит твой Ге..?

И в этот момент дверь распахнулась, и в комнату заскочил разъяренный начальник. Все замерли, как в немой сцене Гоголя. Явно запахло грозой.

– Что это еще за вопли!? – полузадушено прошипел он с

яростью, и казалось, будто его зеленый в разводах галстук сейчас сделает стойку, как кобра.

– Мы ниче… – начала оправдываться Верочка, но он, словно не видя ее, уставился на Женьку, будто в комнате больше никого и не было.

– Вы что себе позволяете? У меня, между прочим, заказчики сидят, – он обвел всех убийственным взглядом, затем снова уставился на Женьку, она неловко сглотнула и повесила трубку на рычаг, так и не попрощавшись с Ниночкой. – Костырина, вы мне нужны, зайдите ко мне в кабинет.

Ну вот, подумала Женька, мне только неприятностей в последний день перед отпуском и не хватало. Она нервно улыбнулась.

– Одну минутку, Валерий Палыч.

– Никакой минуточки, немедленно, – прошипел он. – И захватите эскизы. Заказчик хочет посмотреть предварительные наброски, – он развернулся и зашагал по коридору обратно в свой кабинет.

Женька кинулась к столу, открыла верхний ящик и застыла: набросков здесь, конечно же, не было.

– Верунчик, где наброски?

– В шкафу. Я их туда убрала.

Женька в отчаянии чуть не застонала. Нет, ну почему, почему с ней всегда что-нибудь да приключается, почему даже сейчас она не может обойтись без неприятностей? Давно известно: если Верочка что-нибудь прятала, то наверняка и на-

долго. Хоть ОБХСС вызывай, чтобы с обыском приходили.

– Ты же все равно уезжаешь, – Верочка небрежно махнула рукой, – проект откладывался…

– Ты же знаешь, что у нашего Палыча семь пятниц на неделе. Теперь их что, с собаками и оперативниками из КГБ искать? Вот ведь подпольщица!

– Ну знаешь! – тут же возмутилась Верочка, переходя от обороны к наступлению по всем фронтам, – да ты мне еще спасибо должна сказать! Разбросала тут свои наброски по всем столам! Ступить некуда. А я, между прочим, позаботилась.

Женька сосредоточенно нахмурилась: что-то эта тирада ей сильно напоминала. Ах, да ладно. Сейчас не это главное.

– Девчонки! Быстро! Все на поиски набросков! – призвала она на помощь дружный коллектив.

– Вот пусть Верка и ищет, – заявила зловредная Раиса, снимая ломтик сыра с дверцы стоявшего у входа платяного шкафа, и демонстративно отправляя деликатес в рот.

– Да ты чо, чокнулась, что ли? Ты видала, какой Палыч сегодня злой? – накинулась на нее Татьянка. – Хочешь, чтобы он нам всем тут сейчас пендюлей понавешал?

– Лаворская, что за неприличности в культурном обществе! – поморщилась Верочка.

– Это кто это у нас тут культурный? – сразу с ехидцей поинтересовалась Татьяна, оборачиваясь и вперяя полный сарказма взгляд в оппонентку. Всем было известно, что Татья-

на считала культурными только гуманитариев, а вот Верочку Господь не сподобил родиться с талантом. Она была заурядным бухгалтером.

– Девочки, девочки! – прикрикнула на них Валентина – большая, дородная, она напоминала баобаб, только мягкий и не в меру говорливый. – Давайте делом займемся. – Она подошла к шкафу и решительно распахнула его. И едва успела подставить руки под хлынувший сверху поток бумаги. Поток иссяк, только когда верхняя полка опустела. – Ну вот, половина проблемы решена, – невозмутимо прокомментировала Валентина, – отсюда и начнем…

Минут через десять Татьянке стало очень интересно, что же, собственно, они ищут. Она невинно поинтересовалась.

– Тебе же русским языком сказали: наброски! – вспылила Раиска.

– Ну да, ты, старательная, а кто их кроме Женьки и Веры видел? Я лично – нет. Я вообще представления не имею, как они выглядят.

Валентина с Лидочкой, для видимости разложив на полу какой-то эскиз, что-то тихонько обсуждали, в стороне от остальных.

– Вот я ей и говорю: мне такое платье не пойдет. Не мой стиль, не мой цвет. А она мне: тебе ничего не пойдет, на тебе любое платье, как на корове седло. Нет, ну ты представь! Хамка!

– Девчата, когда мы, наконец, за стол сядем? – с отчаянием в голосе воззвал Жорик. – Есть хочется.

– Вас, мужиков, легче убить, чем прокормить, – даже не обернувшись, заметила Татьяна, продолжая рыться в целой куче бумаг. – Троглодиты несчастные.

Снова зазвонил телефон. Она подскочила и схватила трубку.

– Здравствуйте, Костырину можно позвать? – поинтересовался гнусаво-обиженный женский голос.

– Она у начальника на совещании. Что передать? – Татьяна была не слишком вежлива, вот если бы это был приятный мужской баритон…

– Передайте, пожалуйста, что звонила Нина…

– А вот и она сама.

Женька влетела в комнату, как сумасшедшая:

– Девчата, ну, что-нибудь нашли?

– Пока ничего.

– О, Господи! – Женька в сердцах всплеснула руками.

– Женька, тебя к телефону, – Татьяна подмигнула. – Кажется, снова твоя подружка.

Женя со вздохом приложила трубку к уху.

– Ой, Женечка, нас, кажется, разъединили, а мне так надо с тобой посоветоваться, так надо… – с места в карьер затарахтела Ниночка. – А у меня здесь…

– Нинок, ты меня извини, ради бога, я очень занята. У нас здесь запарка. Давай я тебе немного позже перезвоню, лад-

но? Вот освобожусь… – и она положила трубку на рычаг. – Татьяна, дай-ка мне наброски, которые у тебя в руках… а то у нас тут заказчики сидят.

– На кой шут они тебе, это же совсем другое… – оторопела Татьяна.

– Да какая разница! Ты думаешь, они хоть что-нибудь понимают? – Женька закатила глаза и потрясла головой. – Уж больно ты высокого мнения о них, – она развернулась и направилась к двери, но в проеме неожиданно остановилась и через плечо бросила: – Да, кстати, если меня еще будут к телефону звать, скажи, что меня нет, была и вся вышла, понятно?

– Куда? – поинтересовалась Татьянка.

– На утруску и усушку! Угар и утечку! Девочки, ищите быстрее. Они там меня уже трясут, как грушу!

– Слушай, да скажи ты им, что ты с сегодняшнего дня в отпуске, – посоветовала Лидочка.

– Вот ты у нас секретарь, ты и скажи Палычу, он мне и так три раза отпуск откладывал, – огрызнулась Женька и снова убежала в кабинет начальника.

Мысленно она уже была в отпуске, и не знала бедная Женька и не ведала, что именно сейчас, когда, казалось, все неприятности остались позади, пара мелких происшествий заставит ее навсегда отказаться от поездки, да мало того, коренным образом изменит весь уклад ее такой однообразной и, прямо надо сказать, скучной жизни.

* * *

Дмитрию не работалось. Катастрофически. Не шел текст, да и только. Хоть бери пистолет и стреляйся. Финальная сцена, развязка романа, и на тебе – сидит уже часа два и тупо пялится в последнюю страницу: «Шалый быстро выглянул из-за угла старого ржавого контейнера, окидывая территорию заброшенного склада цепким профессиональным взглядом. Затем обернулся к Горбуну и лишь отрицательно покачал головой. Край контейнера запоздало взорвался ржавым крошевом. Тупит снайпер. То ли новичок, то ли отвлекся на секунду. Шалый перемигнулся с Горбуном.

– С водонапорки…

Горбун молча кивнул, взвесив на лопатообразной ладони последнюю гранату. Шалый только головой покачал, нет, мол, не добросишь. Горбун мотнул подбородком в сторону цистерны с бензином. А что, может получиться неплохой отвлекающий маневр…»

Стоп! Взгляд вернулся на несколько строк выше. Память услужливо подсказала, что эта «последняя граната» уже имела место быть. Писатель прошерстил текст, ну точно: вот она! Переделал. Вернулся к злополучной сцене… а сколько всего было гранат? Четыре? Снова пришлось перечитывать всю главу… Вот же мозготня!

Но дальше цистерны с бензином текст не шел. Дмитрий

нервничал. Обещал сдать роман еще месяц назад, и вот все никак не может закончить. Последняя глава осталась. А ведь еще вычитывать. Правда, в последнее время у него появился новый бета-ридер под ником «Гога», за неделю текст вылизывает до идеальной гладкости, и когда только мужик успевает? Ведь наверняка своих дел навалом… Стилистику правит, вычищает баги, находит мелкие ляпы, да что там говорить: не бета-ридер, а настоящая находка. Уже два месяца по мылу интересуется, когда же автор, наконец, роман закончит и ему переправит. А автор сидит за компом, репу чешет, и в голове ни одной умной мысли. День за днем одно и то же. И хоть бы какой сдвиг в сознании!

Да, случается.

Дмитрий вздохнул, поднялся с вертящегося стула, взял кружку с остатками кофе и направился в кухню. А зачем? Есть не хотелось. Пить – тоже. В душе гнездилась какая-то непонятная тоска. Вчера из издательства интересовались, когда роман будет готов. Последний роман из трилогии. Понятно: у них свои планы. А он подводит. Дали ему еще месяц, но если не уложится… Авторов много, молодых и талантливых в особенности. Здоровая конкуренция заставляет людей шевелить не только пятой точкой, но и мозгами. А читатель – человек капризный и изменчивый, ему же никакого дела нет – творческий кризис у писателя или просто работа надоела. Ему хочется новых романчиков почитать. А не будешь стараться, не будешь печататься регулярно, забудут,

и станешь ты никому не нужным. От одной мысли об этом Дмитрию стало еще тоскливей. Он задумчиво потер подбородок, колкая щетина царапала пальцы. Побриться бы.

И почему так получается? Начинаешь роман, ну всё, думаешь, вот теперь-то я точно напишу настоящий шедевр. А дойдешь до середины, и уже сюжет кажется избитым, и главный герой не такой, как хотелось бы, а к концу работы так вовсе потеряешь всякий интерес. Может, правы те, кто сразу несколько романов пишет? Надоел один, взялся за другой, всё какое-то разнообразие. Дмитрий так не умел. Мысли всегда концентрировались на чем-то одном. Все двадцать четыре часа в сутки.

Это только с точки зрения читателя писатель работает, лишь пока за компьютером или за машинкой сидит. А на самом деле, рабочий день писателя ненормированный. Иной раз ночью подскакиваешь мысли записать. А то и до утра сидишь: то текст поправить надо, то сцену переделать в очередной раз. Вот когда читатель пробегает по тексту взглядом и зачитывается книгой, забывая о времени, тогда, считай, писатель свою задачу выполнил. А если взгляд за каждую мелочь цепляется, если весь текст из предложений на страницу, и, дойдя до середины, мысль теряешь, вот тогда сразу ясно: писателю до читателя дела нет. Мастерство в легкости, когда внутренняя работа не замечается. Иной раз вылизываешь текст, вылизываешь, а потом отдаешь бета-ридеру, и тот незамыленным взглядом с маху находит такие ляпы, что хо-

дишь потом от стыда красный, как свекла.

От досады Дмитрий поскреб затылок. Надо же какие «умные» мысли приходят в голову, когда работа не идет, хоть садись и пиши очередную статью. Но их Дима писал только когда впадал в депрессию. И раньше пессимизм еще можно было как-то оправдать. Жил с родителями, работал на заводе электриком, даже комнаты собственной не было. Печатал на машинке, родители шипели и ругались: «Зачем тебе эта дурь? Лучше бы женился. Лучше бы на вторую работу устроился! Лучше бы на даче грядки перепол…»

А теперь-то с чего депрессия? Ведь не все так плохо. Книги его раскупаются, издательство готово печатать, квартиру купил. Правда, маленькую, старую, но свою. Отдельную. Чего еще желать? Пиши себе в свое удовольствие… Так нет же! Грянул кризис, когда не ждали. Еще Эдик в Москву уехал. Эдик «подрабатывал» литературным агентом. Совсем недавно Дима закончил писать один весьма необычный роман. Не фантастику, не детектив и не триллер, и даже не мистику, а нечто среднее между мифологией и философским трактатом с трагической концовкой, хотя сам ненавидел такие вот драмы. Не было в романе ни веселья, ни жизнеутверждающего начала. Только мрачность да безысходность. И чего вдруг его потянуло написать такую вещь, Дмитрий и сам не мог сказать. Просто хотелось попробовать себя в каком-нибудь ином жанре. Вот и написал, забросив основную работу. А теперь ступор напал.

И главное: время потеряно, а еще неизвестно, возьмут роман в печать или нет. Тем более что подписался псевдонимом. И то, что роман понравился куче знакомых, вообще не показатель. Эх, был бы сейчас рядом Эдик, он бы наверняка нашел способ поднять настроение.

Дмитрий снова провел пальцами по трехдневной щетине: всё, раз работа не идет, надо отвлечься. Бреюсь, одеваюсь и еду в центр, прогуляюсь по набережной, попью кофейку в уже облюбованной забегаловке, и встряхнусь немного, а еще лучше – отправиться в тренажерный зал. А то пропустил последние три тренировки. Так, решено. Сначала в зал, потом гулять!

Эх, если бы только он мог видеть то, что недоступно обычному человеческому взгляду, он бы заметил развалившуюся на родимом диване незнакомую толстую голую тетку, державшую растопыренные веером карты.

– А я твоего короля шестеркой козырной!

– А у меня вот тебе, вот и еще раз – вот! – задорно кричал маленький старикашка, величиной с небольшую собачку, слюнявя пальцы и выдергивая карты из целого веера в руке. – На, держи!

– Ой, напугал! – толстая баба басовито хохотнула, обнажая белые ровные зубы. – А вот – видел! И еще на! – с таким же азартом выкрикивала она, отбиваясь.

– Слышь, – вдруг словно бы пришел в себя мужичок, – а может, ты того… подкинешь ему идейку-то! А то не ровен

час…

– Тьфу! Тьфу! Тьфу! – баба постукала костяшками пальцев себе по голове. – Не каркай. Это еще успеется. Я и так на него пять лет подряд пахала, как папа Карло. Обойдется. Пусть помучается. Ему полезно.

Муза и домовой играли в карты, напрочь забыв о своих обязанностях.

* * *

Кирюшку одолевали два чувства: ликование по случаю успешно провернутой операции, и страх, что когда там, наверху, дознаются о том, какой фокус он выкинул, то в обязательном порядке применят к нему административные меры в полном соответствии с Кодексом Порядка. Мало того, что умышленно нанес материальный ущерб высокоментальной живой единице, так еще и раскаиваться не собирался. Кирюшка прислушался к внутренним чувствам. Раскаяния не обнаруживалось. АУ! Где ты? Нет его. Нет!

Наверное, плохой из него ангел индивидуального довольствования. АИД, он и в Африке АИД. Кирюшка вздохнул. Пока он сам был послушником, то Игнат – тоже ангел-хранитель, только с большим стажем работы, заставлял его по струнке ходить. В меру хвалил, в меру ругал. Однажды даже применил физическую коррекцию. Кирюшку невольно передернуло при этом воспоминании. Пять лет он трудился под

неусыпным руководством. Вот уж истинно: неусыпным. Как известно, ангелам спать некогда, да и незачем. Сущность у них иная. А вот работы – выше крыши, что называется. Пашешь сутки напролет, и никакой тебе благодарности ни со стороны высшего руководства Верховной Канцелярии, ни от высших эгрегоров, а уж о самих патронируемых и говорить нечего. С ними всегда хлопот полон рот. Не люди, а настоящие ходячие катастрофы! Сами себе зла желают. Только про гадости и говорят! И ладно бы только говорили, а то ведь если к ним в мысли заглянуть! Мама дорогая! Чего там только не найдешь! Пакость на пакости, и пакостью погоняет.

Вот, например, встречаются три подружки, все такие милые, пушистые, беленькие, аж прямо дальше некуда – ну хоть ангельские крылышки к плечикам лепи. Воркуют втроем, голубушки. Друг другу комплименты отвешивают, обнимаются, целуются. А стоит одной уйти, и начинается:

– Ой, да на ней эта кофточка, как на корове седло!

– А прическа у нее – я у мамы вместо швабры!

– Она вот всё мужиком своим хвастается, а что он из себя представляет? Видала я его – маленький, плюгавенький, кривоногий и волосатый весь, как гамадрил. Так если бы ещё зарабатывал прилично, а то так – задницей к одному креслу приклеился и сидит уже лет десять, и все на дачу скопить не может…

Видели бы эти две дурочки, каких черных сущностей плодят! Самых-самых что ни на есть низших, безмозглых, без-

ментальных, что называется, но уже злых и враждебных ко всему живому. И уж будьте покойны, рассорится эта красавица со своим плюгавым по какому-нибудь вздорному поводу, потому что сущности эти так просто жить на свете белом не могут. Им деятельность подавай – кипучую и плодотворную. А поскольку, раз появившись на свет, такая сущность уже сама собой пропасть не может, то этим же дурехам, которые просто так языками чесали, и аукнется. И начинаются у них сплошные неприятности: то начальник отругал, то ногу подвернула, то заболела, а бывает и того хуже – когда семья разваливается… а потом кричат: сглазили, сглазили! Кого наплодили, от того и страдаете. Этим безментальным ведь все равно, кому пакости делать, а питаются они исключительно отрицательными эманациями, потому как флуктуации от них для чернышей самые что ни есть аппетитные. Так бы эти черныши весь свет и заполонили, если бы ни работники среднего звена. Утилизируют низших, разматериализовывают, что называется. Работа сложная, кропотливая. Ее же – сущность – не просто отыскать, ее поймать требуется. Она же еще и извернуться норовит, локацию сменить, упрыгать в иное измерение, а то и вовсе окраску сменить. Но в бригадах по утилизации такие доки работают, не чета ангелам. Они свое дело на раз секут. Трудятся, не покладая… ну, будем говорить, рук. И ведь не справляются. Людей-то все больше становится.

Эх, жаль: человек не может видеть энергетическую мате-

рию. А то бы сразу сообразил, какую дрянь на свет произвел. Была бы его, Кирюшкина, воля, он бы так сделал, чтобы каждый мог углядеть.

Правда, надо отдать должное, не все такие уж плохие. Попадаются и приличные. Так только, слегка в корректировке нуждаются. Но даже с ними возни много. Ты ему подкидываешь, подкидываешь подсказки, а он, как бульдозер – прет вперед, ничего не разбирая. Ну, что твой слепой, только без палочки. И ведь разуй глаза-то! Куда прешь? Впереди стена! Лоб расшибешь! Нет, не видит! Ка-ак лбом навернется! Аж треск стоит… были бы мозги, получил бы сотрясение мозга. И хоть бы раз кто присмотрелся, прислушался. В народе это интуицией называют. Ну да, как же! Ангел во всю глотку орет, а они: интуиция!

Вот, например: собралась патронируемая в магазин на другом конце города. А он (ангел, в смысле) – раз! – и дождь зарядил с утра. В качестве предупреждения. Так нет – ноги в руки, и вперед. Прется, под дождем, по грязи. Он ей следующее предупреждение: машина по луже проехала, грязью с ног до головы окатила. Тут бы ей домой повернуть. Опять прет дальше. Ругается на чем свет стоит, но прет. На остановку придет, маршрутки, как назло, ни одной! И даже после этого ее не остановить! Ну, сдастся ангел, плюнет и руки опустит. И, правда – чего шебаршиться, коли в патронируемом этой самой «интуиции» – что кислороду в космическом пространстве. А потом эта патронируемая припрется в ма-

газин, а там того, чего хотела, и нет вовсе. А если и было, то кончилось. Потом руками разводит, говорит: день неудачный. Да он бы удачным стал, коли бы ты глаза разула да ушки на макушке держала. Но и это полбеды, что называется.

Хуже, когда патронируемый только о плохом и думает. Увидел девушку: глаза косые, ноги кривые, попа толстая… Приятеля встретил: и улыбается он не так, и одет плохо, и беседу заводит не о том. Или, купил, к примеру, спальный гарнитур. Домой привез, и начинается: кровать недостаточно широкая, матрац не такой мягкий, как хотелось бы, в тумбочках места маловато… а вот у соседей какой гарнитур! Какие ковры! И серебра столового навалом! Вот бы мне! И начинает завидовать. Или: а почему это Ивана Ивановича Иванова назначили начальником отдела, а меня – нет? Чем я его хуже? Он же – форменный козел. Туп, глуп и блеет не по-нашему!

А как начинает патронируемый кому-то завидовать, тут, считай, дело пропало. Не вывезешь его из ямы никакими средствами.

Кирюшке еще повезло. Повезло во всех отношениях. Во-первых, на свет он появился сразу ангелом-хранителем, то есть со средней светлой ментальностью. Во-вторых, наставник ему попался толковый – Игнат. Где он теперь? Чьи-то грехи разгребает. В-третьих, послушником ему всего пять лет довелось побыть. Иные по сотни лет из послушничества выбраться не могут. Выездная Комиссия по ментализации,

она ведь из таких спецов состоит, что еще не всякий даже заслуженный послушник освидетельствование пройти может. Десять шкур сдерут, пока статус повысят. В-четвертых, патронируемая у него легкая. Не злая, не завистливая, разумная, в меру талантливая, молодая… вот только аура у нее – что твой нимб у святого. Ей бы самой в эгрегоры. Но это, что называется, запрещено. Это только после распада материальной оболочки, а пока…

…пока Кирюшка мучился с ней несказанно. Он и в самом деле волок ее к счастливому ЗАВТРА. Но Женька упиралась, как могла. Формировала собственные события. Только Кирюшка сделает все, как надо, только вздумает отдохнуть да расслабиться, ан глядь! – снова все сикось-накось. Это напоминало ему войну с переменным успехом. Только покажется, будто победа не за горами, как тут же на тебе бронебойными по флангам!

К примеру, год назад, только он приглядел ей приличного парня с дуальной ментальностью, как эта дурында возьми и спишись со своей подружкой из Америки. Та ей и подсунула своего двоюродного братца. Теперь вот собралась в Америку ехать. А зачем? Только деньги зря протренькает. А счастья там никакого не найдет. Уж это-то Кирюшка точно знал. Да и не хотелось ему, если честно, тащиться туда. Это же сколько тысяч километров от родной локации! Уму непостижимо! Да и кто знает: отпустят ли его вместе с Женькой на место новой локации. Может статься, нет. А если так, то придет-

ся Кирюшке помахать лапой на прощание своей патронируемой, пустить в замызганный платочек скупую ангельскую соплю и утереться.

Он набрал полную грудь воздуха и выдохнул, подняв целый фонтанчик пыли. Сидел он на конторском шкафу, в котором хранились многочисленные проекты, и никто здесь, конечно же, не думал убирать. Вот и приходилось ему пылью дышать. Это еще хорошо, тут домовой покладистый, иногда порядок наводит, а то бы эти живые Веды (как вы уже сами поняли, это понятие от сокращенного «высокоментальная единица») фиг чего нашли в таком перманентном бедламе.

Кирюшка сверху вниз посмотрел на суетившихся женщин, которые уже готовились усесться за праздничный стол. Ничего, пусть веселятся, будет и на его улице праздник. А пока придется поработать.

За следующие два часа ему еще предстояло устроить увольнение Костыриной. Как там говорится в «Кодексе Порядка»? Запрещено наносить моральный, материальный, физический ущерб? А вот вам, видали? Кирюшка задорно показал пустому потолку кукиш. Надо будет, так еще и не то сделает. Кирюшка хмыкнул и мгновенно переместился, поменяв локацию. Потревоженная его пушистой попой пыль наконец успокоилась и улеглась на законное место – досматривать свои пыльные сны.

Глава 2, в которой Ниночка едва не умирает от горя

Веселое застолье, устроенное в честь нескольких праздников сразу, закончилось только к вечеру. Через час тряской и душной поездки в переполненной маршрутке, усталая и раздраженная Женька, наконец, добралась до дома. Поднявшись на пятый этаж, она вставила ключ в замочную скважину и с облегчением подумала: ну, вот и все, наконец-то этот долгий день кончился. Отшумел банкет, к которому они готовились чуть ли не неделю; сутолока и трескотня подружек ушли в прошлое. Впереди намечались выходные. Конечно, на праздники у них всегда веселая и шумная компания, но она – Женька – уже уедет в Москву, а оттуда в Соединенные Штаты, которые манили чем-то неизведанным и таинственным. Уж там-то у нее наверняка начнется новая жизнь… эх, мечты, мечты…

Сейчас Женька переоденется, примет благословенный душ, завалится на постель в халатике почитать какой-нибудь детективчик, а как отдохнет от суеты и шума, возьмется собирать сумку – объемистую и увесистую, навроде бабушкиного сундука со старым тряпьем. Правда, у нее уже все давно сложено, но не мешает проверить кое-что, и… да, самое главное, сказать своим, что послезавтра отправляется в

Москву. Женька ощущала, что в ее жизни начинается новый, неизведанный этап. Уж чего-чего, а разнообразие она любила. Ее всегда тянуло на что-нибудь новенькое и неизвестное: например, в поездку по Алтаю или на Красноярские Столбы… Теперь вот Америка! Женьке хотелось верить, что ее невезение когда-нибудь кончится, и дай Бог, кончится именно сегодня. И уже с завтрашнего дня ей начнет везти, как никому, все дела будут решаться сами собой, и жизнь, наконец, повернется к ней счастливой стороной. Она была в этом почти уверена… Вот только бы немного отдохнуть.

Но когда она открыла дверь и вошла в прихожую, то сразу же услышала гомон голосов на кухне: у мамы, как всегда, сидели подружки. Женька стянула ветровку, повесила ее на вешалку, скинула кроссовки и тихонько, на цыпочках прошмыгнула в свою комнату – махонькую, с единственным окном, выходящим на глухую стену соседнего дома. В этой «бендежке», как называла ее сама Женька, с трудом втискивалась односпальная тахта, платяной шкаф, тумбочка с аквариумом – старым, страшным и давно нечищеным, в котором лениво шевелили обкусанными хвостами три снулые золотые рыбки, да полки с книгами, б*о*льшая часть которых повествовала о художниках, живописи и тому подобном. По секрету скажем, что антресоли по самую завязку были забиты Женькиными рисунками. Художница уже давным-давно собиралась навести там порядок, да повыкидывать лишнее, но как-то времени не хватало… да и жалко было, жалко.

Между тахтой и шкафом пространства оставалось только на одного человека, да и то не слишком крупного, такого, как сама Женька. А открытые створки так и вовсе перегораживали единственный проход. Женька давно мечтала купить шкаф-купе, но никак не могла денег на него накопить. Все-таки зарплата рядового художника в маленькой конторе провинциального городка далека от московской. Конечно, как все прочие, она мечтала о приличном заработке и о собственной квартире. Стоило только глаза закрыть, и ее живое воображение сразу рисовало шикарные апартаменты, высокие потолки, широкие светлые окна…

Женька тяжело вздохнула и принялась переодеваться. Не с такой зарплатой мечтать о собственной квартире! Еще хорошо, что в свое время, занимая неплохую должность, ее отец получил эту трехкомнатную квартиру. А то бы куковать им в коммуналке. Впрочем, эта же самая должность довела отца до инсульта. Случилось это уже больше пятнадцати лет назад, с тех пор так и живут без кормильца. Но вспоминать о грустном в такой день не хотелось.

Надо заметить, Женька вообще отличалась невиданным оптимизмом, стараясь в любой, даже самой плохой и отчаянной ситуации увидеть что-нибудь полезное для себя. Она уже накинула на плечи домашний халатик, когда дверь распахнулась и в комнату вошла мать – низенькая, но все еще стройная седовласая женщина, которую все ее подружки-ровестницы уважительно называли не иначе, как по имени от-

честву – Валентина Георгиевна.

– Женечка, а мы не слышали, как ты вернулась.

– У тебя гости?

– Да… вот, пришли, сидим, болтаем, в карты играем. Ты переодевайся и приходи к нам, поешь.

При одной мысли о еде Женьке стало дурно, она отчаянно замахала рукой:

– Не хочу. На работе наелась. У нас сегодня такой банкетище был, – она закатила глаза и потрясла головой, – праздник все-таки, сама знаешь, к тому же вся наша контора вскоре переезжает. Да, и самое главное: я послезавтра…

Договорить она не успела, потому что из-за стенки послышался какой-то грохот, потом ругань и крики Марины – жены ее братца Юрика.

– Что там такое? – Женька удивленно уставилась на мать. – Воюют? С переменным успехом?

Мать махнула рукой:

– Да нет, они сегодня мебельный гарнитур купили. Ладно, я к гостям пошла, и ты подходи.

– Гарнитур!? – Женька так и присела, изумленно всплеснув руками, глаза ее загорелись. Вот это уже действительно интересно. Она тут же ринулась в комнату брата, на ходу пытаясь всунуть пуговицы в обтрепанные петли халата. Но на полпути остановилась. Черт побери, вспомнила Женька, она же до сих пор не сказала матери, что завтра собирается взять билеты на Москву!

– Ма, – крикнула она вдогонку. – Ма, я послезавтра уез…

В этот самый момент в дверь позвонили.

– Женечка, открой пожалуйста, – откликнулась Валентина Георгиевна уже из кухни.

Не вовремя кого-то черти принесли.

Женька побежала открывать. По привычке, даже не спросив, и не заглянув в глазок, она распахнула дверь. На пороге стояла зареванная Ниночка. И одного взгляда, брошенного на ее убитую горем физиономию, было достаточно, чтобы понять – перед ней не просто зареванная Ниночка. Перед ней катастрофа и стихийное бедствие в одном лице.

– Ниночка, что случилось? – это были единственные слова, которые успела выпалить Женька, потому как в следующую секунду Ниночка разразилась такими отчаянными рыданиями, что даже железобетонные стены старого дома едва не прослезились. Веселые голоса игроков на кухне смолкли, как по команде.

– Женечка! – Ниночка зарылась лицом в руки и рухнула на спасительное Женькино плечо. – Этот него… ик… негодяй… – с трудом выдавливала она из себя, заикаясь и пытаясь преодолеть рыдания, – …он на-ох-рал… наорал на меня… ой, не могу! – и она залилась слезами пуще прежнего.

Женька почувствовала за спиной молчаливое напряжение. Она оглянулась, и обнаружила, что посмотреть на них сбежался народ со всей квартиры. В дверях кухни, вместе

с хозяйкой квартиры, столпились несколько ее престарелых подружек. В коридоре, сложив пухлые руки на груди, словно египетский сфинкс, с деланно невозмутимым видом стояла Марина, перегородив собой все пространство от стены до стены – дородная дама чуть за тридцать. Ей в затылок дышал Юрик – брату Женьки было всего тридцать два, но выглядел он на все сорок, так как любил поваляться на кровати в любое время дня и ночи, уважал пиво с рыбкой, а занятия спортом презирал, и на предложения Женьки потягать гантельки для поднятия тонуса отвечал неизменно: «что я, дурак, что ли?» Сбоку от отца семейства выглядывала любопытная мордашка его вихрастого отпрыска – восьмилетнего Вадима. А из-за плеча Юрика торчала незнакомая пропитая физиономия тощего, как шпала субъекта – видимо, его приятеля, приглашенного для помощи в установке мебели.

– Ты только не расстраивайся! – она погладила Ниночку по кудрявой, одуванчиковой головке. – Все будет хорошо. Успокойся. Пойдем ко мне в комнату, сейчас я налью тебе чаю, и ты успокоишься. А потом мне все расскажешь… по порядку…

– Он меня дурой обозвал! – наконец прорвалось сквозь рыдание нечто членораздельное. Ниночка оторвалась от Женькиного плеча и, вытирая зареванное лицо, со следами туши на щеках, повторила: – Обозвал меня… ик… дурой. Пре-е-едс-тавляешь? Накану-ук-не свадьбы!

И только сейчас она увидела зрителей, расположившихся

в коридоре. Какую-то долю секунды ей понадобилось время, чтобы осмыслить происходящее.

– Здра-асте, – любопытные сразу как-то неловко замялись, Валентина Георгиевна повела своих подруг обратно в кухню, а Юрик с женой и приятелем вернулись в зал, видимо, к своей свежекупленной стенке, заодно прихватив за ухо Вадима.

Женька схватила подружку за руку и повлекла в свою комнату, облегченно вздохнув только после того, как усадила Ниночку на тахту и поплотней прикрыла за собой дверь в комнату. Сама она прислонилась к краю тумбочки и выжидающе уставилась на подругу, которая продолжала безутешно рыдать: постороннее участие придавало ей силы.

– Что у вас там произошло? Только перестань плакать, – Женька, точно нянька, достала чистый носовой платок и вытерла подруге слезы. – Высморкайся, – менторским тоном приказала она. Ниночка беспрекословно подчинилась. Размазанная по щекам тушь теперь чернела на платке.

Женька горестно вздохнула. Ниночка имела обыкновение краситься "французской" тушью, произведенной где-нибудь в Турции или Китае. Эта краска была действительно на удивление стойкой, в том смысле, что, раз попав на белье, ее уже невозможно было вывести оттуда никаким порошком. Все, подумала Женька, теперь платок, считай, только выкинуть. И тут же почувствовала укол совести: у ее лучшей подруги такое несчастье, прямо надо сказать – трагедия, а она печет-

ся о каком-то платке.

– Ну, так что у вас произошло? Только рассказывай по порядку и толково.

– Он обозвал меня дурой, – наконец произнесла несчастная довольно членораздельно. – Ты представляешь?! Это накануне свадьбы! А что будет потом? Нет, я решила, – Ниночка последний раз сморкнулась и отложила платок. – Я не выйду за него замуж. – Она решительно вскинула голову, и хотя в глазах по-прежнему сверкали слезы, вид у нее был неумолимый.

Женька всплеснула руками:

– Ну что ты все заладила: дура, дура, и так понятно, что… ой! – Женька вовремя захлопнула рот. – Что у вас там произошло? Из-за чего поругались-то?

– Из-за фаты, – Ниночка старательно смотрела в сторону и часто-часто мигала, не давая слезам пролиться обильным дождем. – Он заявил, что с него хватит. Видите ли, он никогда не думал, какая я привередливая. Что у меня вздорный характер, и вообще я только и делаю, что ворчу и возмущаюсь, а я, между прочим, при нем и слова не могу вымолвить. Он мне рта не дает открыть. Ну, вот скажи, Женечка, у нас ведь в стране равноправие, правда? Ведь равноправие? – она умоляюще заглянула в Женькины глаза. – А он ведет себя, как самодур недорезанный… ой, – она снова икнула, – обозвал меня трескушкой и дурой, а я всего-то сказала, что…

– Погоди, – перебила ее Женька. Она знала, что если Ни-

ночке позволить бесконтрольно выговориться, то они никогда не доберутся до конца истории. Когда-то какой-то писатель, кажется французский… а, может, и нет… говорил, что легко начать роман и даже его продолжить, но вот закончить… на это требуется талант. Женька благодарила Бога, что Ниночка не берется за перо, ее романы были бы бесконечными, похлеще бразильских сериалов. – Погоди, ты же порвала фату, но у тебя есть очень даже миленькая шляпка…

– Да как ты не понимаешь! Не хочу я шляпку! – в сердцах выкрикнула Ниночка, взмахнув рукой, грязный платок вспорхнул к потолку и плавно спланировал прямо в аквариум с золотыми рыбками. – Она будет мять прическу. А фата…

– А фата, между прочим, длинная, довольно тяжелая и тоже будет мять прическу, – вставила Женька, сунув руку в аквариум и вынимая платок. Она машинально принялась его выжимать, черная вода грязной струйкой потекла на головы рыбкам. Такое приобщение к французской косметике их не порадовало. Вся троица мигом сбилась на дно, но Женька этого даже не заметила. – Глупости ты говоришь, милая моя! – заявила она безапелляционно, мысленно поймав себя на том, что сейчас подражает Татьянке. – Какая тебе разница: в чем идти под венец? Да хоть в домашнем халате и тапочках на босу ногу!

– Может быть и так, но теперь это дело принципа! – за-

пальчиво возразила Ниночка. – А этот негодяй… – Женька невольно поморщилась, вывешивая жеваный платок на холодную батарею, – …заявил, что таких привереда он еще не видел. А я ему сказала, что таких женихов, как он на базаре дюжина по рублю…

– Так и сказала?! – ужаснулась Женька. Она плюхнулась на единственную маленькую табуретку, с хрустом подмяв под себя бумажный макет домика, который Вадим мастерил три дня. – Ой! – она приподнялась и вытащила пострадавшее произведение искусств. От него остались, как в песенке: только рожки да ножки.

– Так и сказала, – с гордостью заявила Ниночка, вздернув курносый носик.

– А он что?

Ниночкина физиономия снова искривилась в кислой гримасе.

– Он обозвал меня дурой, хлопнул дверью и ушел, – она умоляюще посмотрела на Женьку, но та была непреклонна.

– Ты и в самом деле дура, мать моя. Ругаться с женихом накануне свадьбы!

– А что же, по-твоему, я должна была все сносить? – От возмущения и обиды ее губки надулись, похоже, она снова собралась разреветься, и теперь уже с удвоенной силой. Женька вздохнула и укоризненно покачала головой.

– Скажи спасибо, что он еще так долго терпел. Другой на его месте уже давно бы от тебя деру дал.

– И это говоришь мне ты, лучшая подруга? – Ниночка никак не могла опомниться.

– Да, подруга, да еще какая! Потому и говорю, – недовольно отрезала Женька. – Ты запомни такую простую истину: мужика никогда нельзя доводить до белого каления. Может твой Геночка и тряпка, но знаешь, в тихом омуте черти водятся.

– Какие черти?! – переполошено округлила голубые глаза Ниночка, с ужасом прижимая руки к груди.

– Это поговорка такая, – отмахнулась Женька. – Знаешь, тихонь так вообще нельзя злить – опасный народ. Молчит, молчит, а потом возьмет и отетенит утюгом по голове. Разве поймешь, что у него там… – Женька красноречиво постукала себя кулачком по лбу и тут же потерла это место, – … происходит.

В глазах Ниночки загорелись огоньки страха. Губы задрожали, она вся подобралась, вобрала голову в плечи. Женька с сомнением посмотрела на подружку. Кажется, перестаралась.

– Ты думаешь… он меня убить может?

– Да ты что?! – Женька так и подскочила. Она и допустить не могла такой мысли! – Ну, ты и удумала, мать моя! Сама же говорила: он в тебе души не чает! Вот увидишь, все обойдется. Он еще будет у тебя в ногах валяться и прощения просить!

– Когда? – сразу же оживилась Ниночка, словно Женька

была всемогущей волшебницей, способной одарить ее вселенским счастьем.

– Как только ты с ним помиришься, – заверила Женька, мысленно потирая руки. Она уже была уверена, что дело сделано, Ниночку она уговорила, и теперь только осталось…

– А я теперь сама за него не пойду! – кукольное личико презрительно перекосилось. – Раз я для него дура, так вот пусть себе и ищет умную!

Похоже, она уже реально рисовала в воображении эту сцену: как ее бывший жених валяется у нее в ногах, вымаливая прощения, а она, поруганная, но гордая, идет в ЗАГС под руку совсем с другим – красивым, умным, обаятельным… Нет, не идет! Он несет ее на руках! А шлейф платья…

– Не дури! – грубо оборвала ее мечтания бестактная Женька. – Еще как пойдешь! Придумала: не пойду! Только попробуй! И вообще, марш умываться, сейчас позвоним ему на мобильник, и ты с ним поговоришь. Поняла? Спокойно, без криков и воплей. Попросишь у него прощения и все.

– Я попрошу у него прощения?! – Ниночка едва не задохнулась. – И не подумаю! Пусть *он* просит у меня прощения!

Опять двадцать пять! У Женьки начало иссякать терпение. Ей только не хватало лишних проблем накануне отъезда. Она уже, считай вся там – в Америке, а тут – бац! И сбежавший жених.

– Доставай свой мобильник и звони! – Женька приподнялась и угрожающе нависла над страдалицей-невестой.

– Нет у меня мобильника! – выкрикнула Ниночка плаксиво. – Я его дома оставила!

– Как так оставила? Почему?

– У меня на счету денег нет, – все таким же плаксивым тоном отпарировала Ниночка.

– Ну, так пойдем, купим карточку…

– Геночка уехал, денег не оставил, а у меня только мелочь. Мне до тебя на маршрутке пришлось добираться, – пожаловалась невеста, сложив губки бантиком. – Ты же знаешь, я терпеть не могу ездить на маршрутках… они такие душные, все толкаются… и потом, в них так опасно, я читала…

– Но мобильник-то ты могла с собой взять? – вознегодовала Женька.

– Так он разрядился, – отмахнулась Ниночка. – Я вообще не понимаю, как там что устроено, но два-три звонка сделаю, а уже счет заканчивается и этот… ну, который у него внутри…

– Аккумулятор, – подсказала Женька.

– Во-во, аккулюмятор… амулякатор… да тьфу ты! Ну, сама знаешь, что садится… Геночка его заряжать не успевает… неправильные какие-то телефоны, в самом деле.

Женька вспомнила, как Ниночка сегодня днем звонила ей из магазина. Еще бы у нее деньги на счету не закончились! Столько трепаться!

– Так ты ему даже домой не позвонила?! – поинтересовалась Женька.

– Как же, не позвонила! Позвонила. А там его мамочка. А я ее боюсь страшно! – Ниночка снизила тон до интимного полушепота. – Она у него такая… такая…

– Ну, какая? Живьем, небось, не съест? – отпарировала Женька, подскакивая и распахивая платяной шкаф. Здесь царил изумительный порядок. Опять мамочка постаралась. Женька тяжело вздохнула: теперь фиг что найдешь. Когда все вещи у нее валялись одним комком, она, не глядя, засунув руку в эту кучу, могла отыскать необходимую тряпку, но стоило только матери взяться за уборку, и все – капец порядку! Ничего не отыскать.

Женька перевернула вверх дном две полки, переворошив целую груду белья, но джинсовой куртки не нашла.

– Ма! Ма!

Дверь приоткрылась, в проем просунулась седая голова Валентины Георгиевны:

– Ты меня звала, Женечка?

– Ма, где моя джинсовая куртка?

– Женечка, она была такая грязная! Разве можно занашивать вещи до такой степени! – неловко впихиваясь в узкую, маленькую комнатенку, Валентина Георгиевна пылала праведным негодованием. – Ниночка, – апеллировала она к горе-невесте: – хоть бы ты ей сказала, что ли! Вот влезет в какую-нибудь вещь и носит и носит ее, до дыр, пока не истреплет всю. А потом ведь не достираешься. Я уже и замачивала, и в трех водах…

– Ма! Короче, куртка где?

– Постирала я ее. Она грязная была… Женечка, нельзя же так безалаберно обращаться с вещами.

– А мобильник где?

– Какой мобильник? – Валентина Георгиевна так и распахнула круглые светлые глаза.

Женька почувствовала, как у нее слабеют ноги, она привалилась спиной к платяному шкафу:

– Мобильник… – с трудом пролепетала она, – он у меня в кармане… в куртке…

Валентина Георгиевна пару секунд смотрела на дочку непонимающе, потом всплеснула руками, на ее лице появилось то самое выражение, которое Женьке уже было знакомо по детству: «ну, я так и знала!»

– Женечка! Ты же его всегда с собой берешь! Как же так!

– Мама! Ты что, его постирала? – прошептала Женька, разом потеряв голос.

– Женечка, я не знаю! Он же у тебя такой маленький… разве его в кармане ущупаешь?

Ниночка всхлипнула, раз, другой и залилась слезами. Женьке и самой захотелось расплакаться. Этого «маленького», которого не ущупаешь, она купила всего месяц назад, грохнув на него две месячные зарплаты. Вообще-то в квартире у них стоял телефон – до недавнего времени – но АТС старая, связь отвратительная. Как не поднимешь телефонную трубку, а у тебя уже там две кумушки беседуют. Иногда

Валентина Георгиевна часами подслушивала чужие разговоры. Много интересного узнавала. А то радио играет. И хорошо играет: громко, можно сказать – стерео! Вот и взялись старую линию переоборудовать. Женька ничего в этом не понимала, как не понимала и того, почему почти весь дом вот уже третий месяц сидит без телефонов. Одним словом, как и все в этой стране, делали ремонтники медленно, со вкусом и не торопясь. Видать, удовольствие получали. Сначала обещали сделать к апрелю, потом к майским праздникам, теперь вот еще откладывается на неопределенный срок. А поскольку Женька частенько звонила по делам, то пришлось раскошелиться на мобильник.

Этот маленький был ее гордостью. Стального цвета, с широким цветным экраном… фотокамерой, плейером, калькулятором и даже с «голубым зубиком» в придачу (так, на всякий случай: вдруг все-таки повезет компьютер купить!) – душа радовалась! А теперь?!

– Ты думаешь, с ним что-нибудь случилось? – неуверенно произнесла Валентина Георгиевна. – Я вон, помню, постирала брюки у отца, а там сотка лежала, так ей хоть бы что…

Женька со стоном отлепилась от шкафа:

– Где куртка? – упавшим голосом поинтересовалась она.

– На балконе! Сейчас принесу.

Валентина Георгиевна умчалась, шлепая задниками тапочек. Женька повернулась к Ниночке. Нет, сегодня явно день не из лучших, черт бы его побрал.

Невеста сидела на диване, убитая горем, тыкала носом в кулачок и что-то мычала от расстройства чувств.

– Вот! – Валентина Георгиевна принесла куртку. – Почти сухая!

Женька запустила руку в кармашек и выудила мобильник. Нажала первый попавшийся номер. Телефон обиженно пискнул и… не сработал.

– Купила, называется! Столько денег грохнула!

– Женечка, ты не расстраивайся! – Валентина Георгиевна уже и не знала, как успокоить дочурку. Она гладила морщинистой ладонью Женьку по руке и уговаривала: – Может его починить еще можно? Я завтра съезжу к дяде Гоше… ты же знаешь, какой он умелец, он все, что угодно тебе починит… вон, когда у тети Раи сломался телевизор, он же починил! – Валентина Георгиевна говорила, обращаясь почему-то не к Женьке, а к Ниночке и та, как китайский болванчик, машинально кивала, вытаращив и без того большие круглые глаза. – А когда у меня кастрюля старая прохудилась… он же ее залатал…

– Мама! Мобильник – это не телевизор, и не кастрюля! Его нельзя залатать! – Женька наступала на мать, словно собиралась ее укусить. – И стирать его нельзя, понимаешь? И выжимать в центрифуге тоже нельзя! Он на это не рассчитан!

Валентина Георгиевна сразу же перешла в наступление:

– Прекрати орать на мать! Как ты со мной разговариваешь? Нет бы, спасибо сказать. Я вон тебе порядок в шка-

фу навела, все вещи тебе перестирала, а вместо благодарности… – губы Валентины Георгиевны задрожали от обиды и негодования, а Ниночка ей почему-то вторила с тахты тихим шепотом:

– Да… да…

Женька тяжело вздохнула и опустилась рядом с Ниночкой. Долго на мать она злиться не могла. Злосчастный мобильник полетел в дальний угол.

– Ладно, черт с ним, с этим мобильником! Заработаю, еще куплю.

Валентина Георгиевна тут же оживилась, ее глаза радостно заблестели:

– Все, девочки, хватит унывать, идемте чай пить, у нас там такая хорошая компания собралась. Только вас и ждем.

– Мам, вообще-то мы звонить собирались… – начала было Женька, но Ниночка уже подскочила, кокетливо расправила юбочку и, словно танцуя, вышла в коридор.

Нет, сегодня сумасшедший день, и, похоже, он никогда не кончится!

Женька вздохнула, и решила, что сперва она переоденется, а уж потом и на кухню заглянет.

Ох уж эта Ниночка, в своем репертуаре. Приехала к ней под конец дня, свалила на нее свои заботы, и привет – не кашляй! Откуда же позвонить-то? Спрашивать у Марины насчет мобильника было совершенно бессмысленно. Марина, будучи главой семейства, имела свою голову на плечах (уж

простите за каламбур). Она категорически запрещала иметь «дебильник» Юре и Вадиму. Она где-то прочитала, что излучение таких телефонов очень плохо влияет на мозги в частности, и на здоровье в целом. Впрочем, она бы, конечно, нисколько не отказалась принять такой «дебильник» в качестве подарка, но покупать! Да Боже упаси! Только деньги тратить … да за ради чего, спрашивается? Юрика на работе она и без того могла достать в любой момент. Вадим же оставался под ее неусыпным надзором фактически двадцать четыре часа в сутки. Да и бабушка-то на что? И в школу отведет, и после уроков встретит. Так что… как говорится, нечего беспокоиться.

Глава 3, где Женька убеждается: за одного старого друга двух небитых дают… н-да!

Женька нарядилась в привычные джинсы и теплую кофточку. Весна весной, а вечера все же прохладные. Это тебе не Крым и не Черноморское побережье. Она совсем было приготовилась отправиться на поиски жениха, но когда зашла в кухню, оказалось, что Ниночка уже сидит за столом в окружении многочисленных гостей и непрерывно щебечет, очаровывая всех подряд. Пришлось сесть и выпить чаю вместе с остальными. За столом было шумно и суетно – соседки приставали с расспросами, Витек (приятель Юрика, уже под градусом, видимо, не только чай принимал) кривлялся и подмигивал, а Ниночка то начинала бурно кокетничать со всеми мужчинами подряд (если учесть что их было всего двое), то впадала в совершенное уныние и украдкой всхлипывала. Наверное, она представляла себе раскаивающегося Геночку, и это душераздирающее зрелище невольно вышибало слезу из ее прекрасных глаз. Марина хмурилась и нетерпеливо елозила на стуле, сурово поглядывая на муженька (одним словом – бдила!), а Валентина Георгиевна наперебой с Жанной Васильевной – эдакой благообразной старушкой с седьмого этажа – вовсю обсуждали соседку с восьмого, которая

высаживала цветы на балконе и, каждый день, поливая их, устраивала потоп всем ниже живущим. Жанна Васильевна предлагала сходить в ЖЭУ и нажаловаться, а деятельная Валентина Георгиевна предлагала устроить товарищеский суд всем двором и показать мерзавке, почем фунт лиха, где раки зимуют и какова на внешность мать Кузьмы. Встрял и Вадим. Он предложил не совсем законный, но вполне эффективный способ: перебить все ее горшки из духового ружья. Осуществление этого боевого плана он, конечно же, брал на себя. Вот что значит – начитаться Конан Дойля. Но после душевной Марининой затрещины он временно угомонился.

Успокаивало Женьку только одно, что дальше слов дело не пойдет. Уж свою мамочку она знала, как облупленную: языком почесать, повозмущаться и покричать – это тебе пожалуйста, но не более того. Поэтому она пропускала мимо ушей все ее энергичные заявления навести порядок во дворе.

Напившись чаю, и, наконец, догадавшись посмотреть на часы, Женька вдруг ужаснулась. Темнело. Ниночку надо было немедленно отправить домой. Конечно, она могла бы просто распроститься с подругой, надавав ей на прощание кучу полезных советов и инструкций, но Женька чувствовала странную ответственность за это одуванчиковое создание. Вот уж пусть сначала выйдет замуж, думала она, а уж тогда можно будет спокойно вздохнуть. Эта мысль напомнила ей, что надо срочно позвонить Геночке и уладить дело.

– Так, красавица, вставай и пошли, – хлопнула она Ниночку по колену. Та подскочила от неожиданности, едва не пролив горячий чай.

– Куда? – ее наивно распахнутые голубые глазки были так чисты и невинны, что Женьке невольно стало стыдно за то, что она, такая грубая и неотесанная, во все суется со своими практическими взглядами и разрушает прекрасную романтическую идиллию.

– Звонить. Ты что, уже забыла?

– Ах, да! – Ниночка принялась выбираться из-за стола, всем наступая на ноги, толкаясь, пихаясь и извиняясь каждую секунду.

Своим не слишком пышным бюстом она умудрилась едва не въехать в чайник, а вот нижним бампером чуть не припарковалась на колени Юрику. Но тут сработал профессионализм Марины, и она выпихнула смутительницу душевного спокойствия, наподдав ей сзади коленом. Ниночка ойкнула и вывалилась на свободное пространство у дверей, потирая мягкое место. Она оглянулась, и наткнулась на милую Маринину улыбку в тридцать два зуба. Ниночка хотела было возмутиться, но вовремя осознала, что ее душевная травма Марину мало растрогает.

Женька ухватила подругу за руку и поволокла прочь от греха подальше. Уж одно хорошо, что та не стала сопротивляться и возмущаться. Ну, ничего, сейчас они поговорят с Геночкой по телефону, Ниночка извинится перед ним, и ни-

каких проблем…

Но проблемы возникли, да еще какие!

Когда они спустились двумя этажами ниже и позвонили в дверь к Вере Семеновне – торговому работнику средних лет – дверь распахнулась, и на двух девушек обрушился шквал музыки, смеха и веселых голосов. Здесь отмечали завтрашний праздник, отмечали со вкусом, шиком и размахом. Даже стало как-то завидно: насколько же надо уметь расслабляться, чтобы вот так бацать от всей души!

– Добрый вечер… э-э… – Женька слегка замялась. – Мы, наверное, не вовремя…

– Же-енечка! – нараспев произнесла Вера Семеновна, накрашенный рот растянулся в улыбке. – Проходи! Проходи, моя хорошая!

Она подхватила Женьку под руку и потащила в самую гущу гостей. Ниночка ошарашено наблюдала за таким приемом. Ей было и невдомек, с чего это вдруг Женьку здесь так чествуют. А все объяснялось довольно просто. Год назад Любочка – дочь Веры Семеновны – окончила художественную школу и решила поступать не куда-нибудь, а в Суриковское училище. Вот Женька и занималась с ней целых полгода. Любочка хромала по части рисунка, вернее, даже не хромала, а ползла по-пластунски, отклячив… ну, в общем, понятно, и этот полугодичный курс хоть и дался ей с большим трудом, но выправил кое-какие погрешности школьного образования. Конечно, Вера Семеновна расплачивалась с Жень-

кой натурой, что называется, даже Юрик был в некотором шоке, когда полногрудая, необъятных размеров тетка притащила и с шиком поставила им на стол пол-литровую банку красной икры. В тот момент Юрик даже зауважал свою младшую сестренку.

– О, кто к нам пришел! – завопил со своего места Николай Андреевич – муж Веры Семеновны – высокий и тощий. Он, словно жерновами, замахал костлявыми руками. – Штрафную им, штрафную!

Женька не успела опомниться, как ей подсунули рюмку водки. После нескольких бокалов шампанского, которое до сих пор никак не желало выветриваться, несчастной Женьке совсем не улыбалось глотать подобную гадость, но, сколько она не сопротивлялась, попробовать все-таки пришлось.

– Садитесь, садитесь! – муж с женой засуетились вокруг новых гостей, тут же отправив младшего сына за стульями к соседям.

– Да мы только на минуточку! – в отчаянии вопила Женька, пытаясь объяснить ситуацию, но ее никто не слушал. – Мне бы позвонить!

Через несколько секунд перед Женькой уже стояла полная тарелка салата. Нет, наверное, сегодня ей предстоит испить чашу до дна, ну что ж, гулять, так гулять…

– Позвонишь, только сначала выпей и закуси, – скомандовала Вера Семеновна. – Ну, за здоровье наших новых гостей, это моя соседка, золотой человек, дай Бог ей здоровья, по-

могала Любочке готовиться к экзаменам. – Женщина вскинула рюмку и лихо опрокинула ее себе в рот.

Последовать ее примеру Женька не рискнула, она лишь отпила и поставила на стол отвратное зелье, побыстрее запихнув в рот кусочек ветчины.

Женька глянула в сторону Ниночки. Нет, более легкомысленного существа она просто не видела в своей жизни! Надо же, сидит, как ни в чем не бывало, и опять с кем-то лясы точит. И опять с мужчиной. Нет, ее поскорей надо выдать замуж. Может хоть семейная жизнь немного ее образумит.

Женька решительно поднялась, отставив тарелку.

– Вера Семеновна, можно я от вас позвоню, это срочно!

Наверное, голос у Женьки и в самом деле был решительный, потому что хозяйка тут же закивала, упираясь двойным подбородком в грудь.

– Конечно, Женечка, конечно.

Женька схватила Ниночку за локоть и потащила в коридор, где на тумбочке стоял телефон. Вера Семеновна, будучи женщиной пробивной и шустрой, еще в далекие советские времена, едва въехав в эту квартиру, успела получить телефон, а потому АТС у нее была другая и реорганизация линии ее не коснулась.

– Быстро, звони! – командным тоном распорядилась художница, подтаскивая горе-невесту к тумбочке.

Ниночка обиженно надула губки, но номер набрала.

– Здравствуйте… а Геночка дома? Да? Я? Что? Нет! О,

Господи! – трубка выпала из ее рук, самостоятельно утвердившись на положенном месте. На лице Женькиной подруги было написано горе еще худшее, чем полчаса назад.

– Ну, что еще случилось? – нетерпеливо теребила ее Женька.

– Его нет дома, – упавшим голосом сообщила Ниночка. – Его мать меня обругала… за что? А Гена… Гена… – Она помолчала, и вдруг слезы навернулись на глаза. – Женечка, миленькая, у него другая женщина!

– Не говори глупостей! – сразу же решительно отрезала Женька, уперев руки в бока. – Он же не какой-нибудь ловелас… – и тут ей в голову пришла отличная идея, она даже по лбу хлопнула себя: – Слушай, да мы с тобой полнейшие дуры! Скорее всего, он просто устроил мальчишник перед свадьбой! Созвал своих дружков и теперь веселится в каком-нибудь ресторане, а мы тут с…

Слезы, как крупные градины катились по щекам Ниночки:

– Он не… пьет! – наконец сумела выговорить она.

– Да ты балда! При чем здесь: пьет или не пьет, мальчишник – это дело святое! – ее убежденность – во всяком случае, в тоне – передалась и Ниночке, та заплаканными глазами уставилась на подругу.

– Ты… думаешь?

– Да уверена! Ты знаешь телефон какого-нибудь его друга… ну, или с кем он там работает?

– Знаю. Эдик.

– Ну вот и звони этому Эдику.

Ниночка, тут же воспряв духом, набрала очередной номер. Женька тоже прилипла ухом к трубке, не желая ничего пропускать. Но то, что она услышала в ответ, убило наповал даже ее.

– Ну, девчонки, вы даете, – с мрачным сарказмом отозвался на другом конце провода хрипловатый мужской голос: – Довели парня! Да он ко мне приехал пьяный, обкуренный. Просидел целый час, рыдал. Сказал, что пойдет топиться!

Трубка снова вывалилась из рук Ниночки. Она закатила глаза и побелела, как полотно. Женька едва успела ее подхватить. В коридор очень вовремя выплыла Вера Семеновна, держа в руках граненый стакан с чем-то прозрачным.

– Какие-нибудь проблемы, девочки?

– Вера Семеновна, спасайте! – умоляюще воскликнула Женька, всеми силами стараясь удержать Ниночку в вертикальном положении. Маленькая-маленькая, но тяже-олая, черт бы ее побрал!

Опытная женщина, в отличие от художницы деликатничать не стала, она просто заставила Ниночку открыть рот и влила ей содержимое стакана.

– Пей! Сразу полегчает, – приговаривала Вера Семеновна. – Это средство – что надо, хлопнул и порядок.

Только тут Женька сообразила: *что* они влили Ниночке в рот! Она схватилась за стакан, но поздно, последние капли

исчезли во рту. Ниночка крякнула и тяжело осела на пол. В ее взгляде мгновенно появилась отрешенная осоловелость.

– Кажется, она здорово опьянела, – неуверенно резюмировала Женька.

– Это потому, что не закусывала, – со знанием дела заметила Вера Семеновна, она на секунду нырнула обратно в комнату и вернулась с тарелкой, полной жареного мяса. – Давай, наворачивай. А то и впрямь окосеешь.

Мудрое замечание, только пораньше бы его. Но делать нечего, что случилось, то случилось. Ниночка тупо уставилась на тарелку, в неожиданно наступившей короткой тишине стало слышно, как она бормочет себе что-то под нос. Не мудрено! И в рот не брать, а тут хлопнуть целый стакан водки! Конечно, ошалеешь. Даже Вера Семеновна была несколько озадачена. Похоже, она никак не ожидала такого эффекта, Женька подозревала, что для нее выпить стакан русского народного напитка, что для нее – чашку чаю.

– Нам надо идти, – пожаловалась Женька, – у Ниночки неприятности. Понимаете, у нее на днях свадьба, а она сегодня с женихом поссорилась. Позвонили другу, а он говорит: пошел топиться…

– Хо, кобыла с воза – бабе легче, – с энтузиазмом махнула рукой толстушка-хозяйка. – Ладно, говоришь, ее в себя привести надо? – и она крепкой рукой ухватила Ниночку за шиворот. – Пойдем, милочка, сейчас я из тебя конфетку буду делать, – и с этими словами она повлекла несчастную неве-

сту в ванную комнату.

Женька тяжело вздохнула и опустилась на пустующий стул. Неужели ее удел в жизни – постоянно наблюдать за чужими приключениями и подставлять собственное плечо? Почему все ее подруги куда-то разбегаются, как только она сама влипает в какую-нибудь передрягу? Вот в прошлом году, например, когда она пошла с туристической группой и по уши втюрилась в инструктора, который оказался просто изрядным ловеласом… Он так за ней ухаживал! Так ухаживал! Дарил цветы, руки целовал, чуть ли не на руках носил… а потом? А потом приехала его жена, и устроила им показательный скандал, за который Женьке до сих пор было стыдно, словно это она нарочно совращала несчастного. Вспоминать противно.

А до этого, три года назад, Татьянка познакомила ее с таким мэном! Ну, прямо один сплошной двухметровый гламур! И что? Да ничего? Он потом сам женился на Татьянке, а Женьке только мягко намекнул, что не с ее рожей соваться в калашный ряд.

Женька повернулась и посмотрела на свое отражение в зеркале: худенькая, несколько угловатая, с короткими темно-каштановыми волосами, носом пуговкой и темными глазами. Она больше походила на мальчишку. Но если подвести глаза, нанести румяна, накрасить губы… ну, одним словом, как говорит Валентина Георгиевна, не бывает некрасивых женщин, бывает нехватка косметики.

Закончить свои размышления Женька не успела. Дверь ванной распахнулась. На пороге появилась обещанная «конфетка»: всклокоченная, мокрая Ниночка, с нее смыли остатки косметики, намочили голову, но теперь осоловелость в ее глазах сменилось философским равнодушием.

– Ну, все, Вера Семеновна, спасибо вам, мы побежали! – недолго думая, Женька схватила подругу за локотки и потащила вон из квартиры.

– Что теперь будем делать? – спросила она, когда подъездная дверь за ними с бешенным грохотом захлопнулась. – Где его искать?

Ниночка икнула в пустоту.

– Пить хочется, – поставила она Женьку в известность.

– Ты и так уже напилась. Мне еще не хватало, чтобы тебя окончательно развезло. Ты представляешь, что будет с твоим Геночкой, когда он увидит тебя в таком виде? Да его удар хватит.

Ниночка ярко себе представила эту сцену: Геночка хватается за сердце и валится на… куда? на дорогу? Или нет, лучше где-нибудь в комнате, и чтоб приглушенный свет матовых бра, кремовый ковер под цвет спущенных портьер, обрамленных по верхнему краю ламбрекеном…

– Ты меня слышишь? – Женька потеребила пьяную Ниночку за рукав кофты, накинутой поверх летнего платья. – Ау?

– Слышу, – убито согласилась та.

Глава 4, в которой две подружки ищут утопленника

Пока две кумушки разговаривали с Эдиком по телефону, Кирюшка, взгромоздившись пушистой попой на самую высокую гору книг в квартире холостяка, наблюдал за разворачивающимся действием, получая от него немалое удовольствие, как ребенок, на последние деньги из копилки купивший билет в цирк. Теперь он даже и не жалел, что устроил такое представление для себя. Уж коли суждено ему куковать в домовых, то на последок хоть будет, что вспомнить. Парень оказался с изрядным чувством юмора, да и трудов больших не стоило заставить его схохмить. Большой любитель розыгрышей, Эдик с удовольствием устраивал всем своим знакомым и приятелям такие вот спектакли. Проблема заключалась в том, что те хотя бы морально были готовы к дурацким шуткам. А вот несчастная невеста, потерявшая голову от горя (хотя, если честно, не слишком большая разница – с головой она или без), совсем перестала соображать. Да еще и Женька повелась, как полная… ладно уж, не будем оскорблять наивную художницу. В конце концов, всякий может попасться на удочку.

Вы думаете, Кирюшка устроил это только ради того, чтобы посмеяться над своей патронируемой? Ха! Была бы забо-

та!

У ангела были более далеко идущие планы. Но пока о них – ни-ни!

* * *

– Слушай, а может он того… пошутил? – озадаченно спросила Женька, продолжая теребить Ниночку за рукав кофты.

– Кто?

– Ну, Твой Геночка.

Ниночка икнула и с обреченным видом покачала головой, словно уже наяву увидела труп жениха:

– Нет, он не мог так пошутить. Он очень серьезный человек, он никогда не стал бы так… глупо разыгрывать…

– Ну, так может, этот Эдик врет?

Ниночка снова покачала головой:

– Нет, я Геночку знаю, он если что-то решил…

– Ну, тогда я не знаю! – Женька в отчаянии всплеснула руками, какая-то дворняжка, пробегавшая мимо подъезда, очумело шарахнулась от нее с поджатым хвостом. – Остается только звонить в милицию… – Женька задумчиво закусила губу. – Впрочем, милиция тут не поможет. Вот если бы он утопился неделю назад… Ладно, утопление спасающего… тьфу, опять переврала! Спасение утопающего – дело рук самого утопающего. Не вешай носа!

Но Ниночка скорбно вздохнула:

– Нет, если он решил…

– Да что ты все заладила: решил да решил… – Женька схватила Ниночку за плечи и тряхнула ее, точно взбалтывая коктейль. Та, наконец, уставилась на подругу, а не куда-то в пустоту. – Давай посчитаем. Он просидел у Эдика целый час, стало быть, ушел от него всего минут двадцать назад… за такое время даже утопиться не успеешь, не говоря уже о том, что сначала нужно найти место, где можно утопиться.

Но Ниночка была безутешна.

– Ты Геночку не знаешь, – прошептала она трясущимися губами. – Он ничего на потом не откладывает. Если уж решил… топиться, – она с трудом выдавила это слово, словно кусок неразжеванной колбасы: —…то ни сомневаться, ждать не станет.

– Так, хватит нюни распускать, – грубо отрезала Женька. Мысль о бездействии выводила ее из себя. Она принадлежала к той породе людей, которые в критическую минуту не могут сидеть, сложа руки, и ждать, когда судьба вывезет по кривой. Она без лишних рассуждений подхватила подругу под локоть и оглядела уже темный двор. Единственный подбитый фонарь стоял у мусорных баков, в которых кто-то подозрительно возился и переругивался на кошачьем языке. – Прекрати паниковать и пошли!

– Куда? – совсем ошалела Ниночка, ничегошеньки не понимая. Это было домашнее существо, никогда не выходив-

шее на улицу позднее пяти часов вечера. Темнота не просто ее пугала, а приводила в настоящий ужас, доходящий до ступора. И одна мысль о том, что в этот страшный вечер, когда ее жених пошел топиться, ей еще и предстоит таскаться по городу, заглядывать во всякие темные места и искать труп…

– Как это, куда?! На набережную, естественно, к мосту! – выпалила Женька, которую ни ночь, ни темнота на улицах нисколько не смущали. Она всегда потешалась над советами милиции ходить только по хорошо освещенным улицам. Хотела бы она посмотреть на эти самые «хорошо освещенные улицы»… если они вообще существуют. Может, где-нибудь в Москве… – Где же он, по-твоему, должен топиться, не дома же в ванной… – и Женька энергично зашагала в сторону ближайшей автобусной остановки.

– А я слышала, один мужчина своих жен топил в ванне, – испуганно сообщила Ниночка, у которой теперь на уме были одни покойники.

Женька хмыкнула и почти бегом припустила по улице, а Ниночка, побоявшись остаться одна, кинулась за ней, звучно топая высокими точеными каблуками.

– Говорят, он их смешил разными анекдотами, а когда они начинали хохотать… ой! – она так и шарахнулась от пожилого мужчины, который вышел им навстречу из-за угла, сама до смерти напугав несчастного старичка. Тот только укоризненно покачал головой, проворчав что-то недоброе себе под нос.

Черное облачко отделилось от старика и потянулось шлейфом за двумя подружками. Кирюшка тут же вцепился в черныша, заграбастал его, попытался оторвать от Ниночкиного подола. Но тот держался крепко, чуя поживу – невеста-неудачница так и испускала густой поток страха. Глядишь, через пару минут, привлеченные сигналами одного безментального, сбегутся и остальные со всей округи. И тогда считай весь план насмарку. Ангел, натужно крякнув, раздавил низшего, брызнув в пространство остатками темной энергии. Они тут же рассыпались пылью, оседая на мостовую и тая, точно первый снег.

– О чем я? – вдруг сбилась Ниночка, у которой от ужаса совсем память отшибло. – Ах, да. Он их смешил, а потом…

Женьке сейчас было не до жутких историй. Она торопилась поскорей решить все Ниночкины проблемы и, наконец, вернуться домой, где ее ждала целая тонна неупакованных вещей, она только сейчас сообразила, что до сих пор не предупредила мать о своем отъезде. Ну и ладно, еще успеется…

– … когда они заходились от хохота, он дергал их за ноги и топил, а они не могли вылезти…

Женька издала страдальческий стон и остановилась на полном ходу, Ниночка с разбегу налетела на подругу:

– Ой!

– Ну что ты городишь? Что ты городишь? Какие ноги?

Ниночка удивленно перевела взгляд на ноги подруги. Действительно, причем здесь ноги?

– Нет, ну, я к тому говорю… что в ванне тоже можно утопиться… – пролепетала Ниночка, не понимая, почему Женька так сердится на нее. Она вообще не понимала, за что на нее сердиться? Она ведь всегда старается сделать, как лучше. Странно, что никто вокруг этого не замечает.

– Но ты же не собираешься топить своего Геночку в ванне! – вспылила Женька.

– Да бог с тобой! – Ниночка отмахнулась, перепугано попятившись. В короткое мгновение в ее живом воображении всплыла ясная картина: вот Геночка сидит в ванне, она подходит, хватает его за ноги и дергает… Ниночка болезненно поморщилась, Геночка как-то говорил, что еще два года назад занимался каратэ или у-шу или таэквандо… у него даже какой-то там пояс… нет, с каратистом лучше не связываться, мысленно решила для себя Ниночка, можно пяткой по физиономии получить. – Еще того не хватало! Он же меня покалечит, – машинально произнесла она вслух.

– А уж если и собираешься, то хотя бы подожди, когда распишетесь, разбогатеете и купите квартиру, – не слушая подругу, съязвила Женька, ринувшись через перекресток. – По крайней мере, тогда хоть какая-то выгода будет от убийства.

– Да не собираюсь я его убивать! – возопила Ниночка с таким отчаянием, что проходящая мимо толстая тетка неволь-

но обернулась, а потом, прибавив шагу, быстро поспешила на другую сторону улицы, грузно переваливаясь с боку на бок, точно утка.

Неизвестно, до чего бы еще договорились подруги, если бы в этот момент Женька не узрела автобус.

– Быстро! – скомандовала она, и вприпрыжку припустила к остановке. Ниночка хоть и была на высоких каблуках, не отставала от нее.

Автобус был набит битком, Женька с трудом втиснулась на заднюю площадку, а Ниночку затерли, и она едва не осталась на остановке. Двери уже стали закрываться, когда несчастная невеста вдруг осознала тот факт, что общественный транспорт сейчас уйдет без нее. По всей видимости, ужас перед угрозой остаться одной на темной улице придал ей столько мужества и сил, что растолкав мужчин, которые стояли впереди, она втиснулась на нижнюю ступеньку, и двери за ней захлопнулись, намертво прищемив подол платья.

– Девушка, вы мне ноги отдавили! – кому-то пожаловался дородный гражданин в сероватом костюме тридцатых годов, Ниночка не могла видеть его лица, потому что стояла, уткнувшись носом в его пухлый зад, что ее совсем не радовало.

– Извините, тесно, – послышался Женькин голос.

Автобус затрясло по колдобинам, потом он стал разворачиваться, и бедную Ниночку уложило на двери. Толстый гражданин своими телесами опасно придавил ее к створкам.

Автобус остановился, двери за спиной угрожающе разъехались, и Ниночку вместе с потоком выходящих вынесло на остановку.

– Нам не здесь! – Женька суматошно махала руками. – Залазь обратно!

Это было легче сказать, чем сделать. Ниночка ринулась к автобусу, и, наверное, осталась бы ни с чем, если бы не попала в самую гущу садящихся пассажиров…

Кирюшка мгновенно сообразил, что надо сделать. Двое крепких верзил, оказавшихся по обе стороны от несчастной невесты, подходили для этого как нельзя лучше. Ангел одновременно тюкнул их по темечкам. Верзилы перемигнулись…

Ниночка только почувствовала, как ее аккуратно подхватывают под локотки.

– Посторонись! – взревел один из них. – Пропустите беременную женщину!

Как ни странно, сработало. И в мгновение ока "беременную" внесли в автобус. Сердобольный народ, засовестившись, хоть и неохотно, но все-таки уступал дорогу.

– Большое спасибо, – от чистого сердца поблагодарила Ниночка двух верзил, протискиваясь к Женьке.

– Кто это там беременная? – поинтересовалась подруга, вытягивая шею и пытаясь заглянуть через плечи и головы

стоявших пассажиров.

– Я, – зарделась Ниночка.

Женька едва поручень из рук не выпустила:

– Что, правда?! – ее глаза от удивления округлились.

Ниночка кивнула.

– Уже целый месяц, – с гордостью отрапортовала она.

Женька ошарашено уставилась на подругу. Это было нечто невероятное! Ну надо же, столько молчала! Ничего себе, выдержка! Обычно у Ниночки новости на языке не задерживались. А тут…

– Только я не понимаю, я ведь никому не говорила, даже Геночке… – Ниночка наклонилась поближе к Женькиному уху: – Как ты думаешь, как эти двое узнали, что я беременная? Живота-то еще не видно.

Женька так и прыснула в кулак.

– Да ничего они не знали! Просто им надо было влезть в автобус, вот они тобой и прикрылись.

– А-а, – разочарованно протянула Ниночка и уже с укоризной посмотрела на двух верзил. А она-то думала…

Кирюшка обиженно хрюкнул и недовольно покачал пушистой головой. Да уж, не знали, как же! Вот наивные! Впрочем, чего с этих ведов взять…

– Нам выходить, – Женька потащила подругу к двери. Наступая на ноги, толкаясь, а иногда продираясь ужом, они все-

таки добрались до двери.

Автобус остановился, потом что-то брякнуло и запахло паленым. Двери со скрежетом открылись.

– Автобус сломался, дальше не пойдет. Прошу покинуть салон, – объявил шофер.

Толпа, недовольно гудя, повалила из транспорта.

– Хорошо, что мы уже приехали, – резонно заметила Женька, оглядываясь по сторонам. Центральная набережная тянулась на пару километров, вот бы еще знать: где в точности этому Геночке вздумается нырять в воду? Да уж, попробуй предсказать такое… – Интересно, куда идти?

– Не знаю, – Ниночка была в полной растерянности. Это создание даже в спокойной, располагающей к размышлению, обстановке, и то не могла сконцентрировать больше двух мыслей. А уж в момент стресса от нее тем более нельзя требовать чего-то благоразумного. Но вечерняя прогулка по свежему воздуху явно пошла ей на пользу. Её философская осоловелость после стакана водки сменилось живым участием в происходящем. – Может, разделимся: ты пойдешь направо, я – налево? – неуверенно предложила она. – Или наоборот?

– Как же мы разделимся, когда я твоего Геночку в глаза не видела, – нетерпеливо возразила Женька.

Она и сама удивлялась, как это смогла допустить такое упущение. И не то, чтобы Ниночка прятала своего кавалера от подруг, совсем даже наоборот – бегала и всем хвасталась

завидным женихом, просто Женьке всё некогда было с ним познакомиться. Всё дела, дела… и вот теперь ищи его…

– Ты хоть фотографию-то с собой взяла? – запоздало спохватилась Женька.

– А зачем? – резонно удивилась Ниночка. – Я его в лицо не узнаю, что ли?

– Да, но я-то не знаю. Хоть бы мне показала, похвасталась, так сказать. А то ищи теперь кота в мешке.

– Ой, мне как-то не до этого было, – Ниночка кокетливо поправила локон, стрельнув многозначительным взглядом в сторону молодого человека, внезапно оказавшегося в поле ее зрения.

– Ну, тогда описывай его давай.

– Чего? – Ниночка вся напряглась. – В каком смысле?

– В смысле словесного портрета, – Женька помавала пальчиками: – ну, там, приметы всякие, знаешь, как преступников в милиции описывают?

– Мой Геночка не какой-нибудь там преступник! – праведно возмутилась Ниночка, и задумалась: – Он такой высокий, в сером костюме, такого мышиного цвета, галстук темно-бардовый, рубашка голубоватая… ну, там, волосы такие, – она изобразило весьма неопределенное движение рукой, – лицо, глаза… – Ниночка запнулась и замолчала, не зная, что еще сказать.

Дать толковое описание – это было выше ее способностей. Впрочем, если быть справедливым, Женька могла по паль-

цам перечесть своих приятелей, которые вообще по данной теме могли связать пару слов. Правда, имелся у нее знакомый художник, который мог одним эпитетом так охарактеризовать человека, что встретив его на улице, ты безошибочно его узнавал…

– Да, в костюме, – немного подумав, подтвердила Ниночка. – Но он мог переодеться!

Вот еще радости!

– Во что?

– В джинсовый костюм. Или ветровку надеть, – задумчиво дополнила портрет Ниночка.

– Ты знаешь, сколько здесь на набережной молодых людей, высоких и в джинсовых куртках? – сердито поинтересовалась Женька. – У него какая-нибудь особенная примета есть?

– Примета? – Ниночка нахмурилась, потом просияла: – Есть! У него вот тут, – она ткнула себя в низ живота, – большое родимое пятно!

Женька тяжело вздохнула:

– Ну, и как ты полагаешь, я должна его искать по этому пятну? Что, заставлять всех спускать штаны? Идем!

Действительно, Ниночка как-то с трудом представляла, какая может последовать реакция, если подойти к незнакомому мужчине и попросить… это уже пахнет милицией, а милицию Ниночка боялась.

Они спустились на набережную. Теплый весенний вечер

выгнал всех жителей прогуляться и поразмяться на свежем воздухе. Праздношатающиеся неторопливо прохаживались вдоль берега быстрой речки, с интересом наблюдая за тем, как подходят и отходят катера.

– Как ты думаешь, где его искать? – поинтересовалась Ниночка.

– Откуда же мне знать…, – Женька внимательно вглядывалась в каждого молодого человека, – Смотри-ка, вон тот, это не он?

– Кто? – Ниночка резко развернулась в ту сторону, куда показывала Женька. – Где?

– Вон, у парапета стоит, девушек разглядывает.

– С хохолком?

– Где ты там у него хохолок видишь? На нем же адидасовская бейсболка.

– Ну, правильно, а из-под козырька торчит челка, – согласилась Ниночка.

– Да нет, это не челка, – возразила Женька, пристально вглядываясь в молодого человека сквозь темноту, с такого расстояния она и в самом деле не могла разглядеть, что у него торчит из-под козырька.

Молодой человек обернулся, посмотрел на них и повернулся спиной.

– А что же, по-твоему?

– Фиг его знает, но судя по его прыщавой роже – рога, ветвистые, как у лося, – Женька оборвала себя и сердито по-

смотрела на Ниночку. – Мы сюда зачем пришли? Обсуждать молодых людей?

– Разве? – удивилась Ниночка. – Ах, ну да.

– Слушай, может, ты все-таки оглядишься по сторонам? А вдруг он где-нибудь здесь бродит.

Ниночка огляделась, но никого не заметила.

– Надо у кого-нибудь спросить, – заявила она решительно. И твердым шагом направилась к пожилой супружеской паре, которая стояла у самой воды. Старушка почему-то держала над головой открытый зонтик и что-то тихонько выговаривала мужу, который с отсутствующим видом таращился на подходящие катера и деловито кивал через равные промежутки времени. – Простите, пожалуйста, – услышала Женька, – вы здесь утопленника не видели?

Нет, с этой ненормальной не соскучишься. Женька с извинениями оттащила подругу от перепуганных старичков.

– Да ты что, совсем спятила? – напала она на Ниночку. – Ты же их до смерти напугала!

Ниночка обиженно надула губки. Ну почему так всегда получается: хочешь как лучше, а получается как хуже. Никто не ценит ее стараний.

– Так, ладно, здесь его точно нет. Давай рассуждать логически, – предложила Женька, отводя подругу в сторону от греха подальше.

Ниночка старательно кивнула, но рассуждать логически, да еще в такой ситуации! Женька явно требовала от нее

слишком много.

– Если он действительно собрался топиться, станет ли он делать это на глазах у всех?

– Не станет? – неуверенно спросила Ниночка.

– Нет, – категорично мотнула головой художница. – Не станет.

– Почему?

– Ну, потому что кто-нибудь сразу же кинется его спасать, а значит, само самоубийство теряет смысл, правильно?

– Правильно, – послушно кивнула Ниночка.

– Значит, какой из этого следует вывод?

– Какой?

– Здесь он топиться не станет.

– А где?

– Откуда же мне знать! Где-нибудь в пустынном месте, где ему никто не сможет помешать. О! – Женьку неожиданно осенило. – Может у него какое-нибудь любимое место имеется? Ну, там, время провести…

– Имеется, – без запинки обрадовано сообщила Ниночка: – Пивбар «Скунс».

– Ну и как ты это себе представляешь? – Женька была готова убить собственную подружку. – Он что же, по-твоему, в пивной кружке топиться будет?

– А что тут такого? – сразу заныла невеста, интуитивно ощутив, что опять ляпнула не то. – Ты спросила, я ответила. Наверное, его надо искать на мосту, – проявила эрудицию

невеста.

Но Женька такой смекалки не оценила:

– На новом мосту ему тоже делать нечего, – безапелляционно заявила она.

– Да?

– Да. Кстати, он у тебя плавать умеет?

– Не знаю… а если умеет… тогда не утонет? – с надеждой спросила Ниночка.

Женька сосредоточенно сжала пальцами подбородок.

– Как тебе сказать, он может привязать к шее камень, – заявила она. – Обычно так и делают. Если он утопится с камнем, тогда труп выплывет не сразу, а через несколько дней.

– И что тогда? – ошарашено спросила Ниночка, у которой такие страшные подробности напрочь отшибли всякую способность мыслить самостоятельно.

– Из этого следует, что надо пройтись по берегу и поискать…

– Камень?

– …дыру от камня. Двигаться будем вверх по течению, к старому мосту. А ну идем! – где-то глубоко в сознании Женьки понимала, что подобные рассуждения – полный бред, но ее словно кто-то под локоток толкал беспрерывно. Она чувствовала, что остановиться уже не в состоянии.

И они двинулись по набережной туда, где кончались бетонные плиты и начинался голый берег, кое-где поросший редкими кустиками и недавно зазеленевшей травой.

– Зря я надела туфли, – пожалела Ниночка, едва не ломая ноги на камнях. Но, конечно же, она лукавила. Она бы скорее себе шею свернула, чем надела кроссовки с джинсами. Она даже на пикники умудрялась выезжать в вечерних платьях, которые не переносили ни воды, ни пыли, ни тем более свежего загородного воздуха.

Фонари кончились, темень стояла непроглядная. Женька всегда удивлялась: зачем освещать мостовую, по которой и без того можно спокойно пройти. Лучше бы освещали вот такие участки, где ноги можно сломать… Прямо сплошные колдобины, камни, и буераки… да, буераки реки-раки, руки ноги береги… а-а! в Африке… м-да… в полной темноте, ориентироваться им приходилось на ощупь и слух. Справа плескала вода, и только это определяло направление их поисков.

– Ой, смотри-ка, – Ниночка ткнула пальцем в маленькую выемку под ногами.

– Ну, это слишком уж маленькая, – Женька махнула рукой. – С таким камешком и кролика не утопишь, – заявила она так авторитетно, словно ей каждый день приходилось иметь дело с утопленниками.

Ниночка с некоторым подозрением посмотрела на подругу.

– Что? – тут же отреагировала Женька. – Никогда, клянусь мамой! Ни разу в жизни! Даже котят не приходилось топить, не то, что кроликов. И не смотри на меня так.

Берег стал подниматься, им пришлось карабкаться на него, хватаясь за траву. Ноги скользили и утопали в мягкой, рыхлой земле. Взобравшись наверх, Женька только теперь почувствовала, насколько она все-таки устала.

– Ой, смотри! – снова завопила Ниночка, и, судя по отчаянию в голосе, Женька ожидала увидеть труп.

Но когда она оглянулась, то увидела не труп, а довольно приличную яму.

– Ну и что?

– Ты же сама сказала, что яма должна быть…

– Но не до таких же размеров! – взорвалась уставшая Женька. – Да ты можешь себе представить, каким должен быть камень!? Твой Гена же его просто… не поднял бы! Он же не самый сильный человек планеты и не принимает участие в соревнованиях «Арнольд классик»!

Ниночка растерянно пожала плечами. Да, действительно, такой камень если кому и под силу поднять, так только крану… да и то козловому, наверное.

– К тому же, это просто канава, – пояснила Женька, наклоняясь и внимательно всматриваясь в черноту дыры под ногами. – Видишь, экскаватором выкопали.

– Зачем? – подивилась наивная Ниночка.

– Откуда я знаю! Может трубы прокладывали… Пойдем туда, – Женька махнула рукой вверх по течению. – Может, найдем что-нибудь…

… или кого-нибудь… добавила она мысленно. А вот ин-

тересно, труп это «кто» или «что»?

Они в полном молчании прошли еще сотню метров и остановились. Внизу плескалась вода, издали доносился гул города, здесь же стояла невероятная тишина.

– Ну, куда мы теперь пойдем? – едва не плача, спросила Ниночка. Ей было холодно, сыро и страшно. Одна мысль, что они гоняются за покойником, приводила ее в ужас. Там, на набережной, среди людей, она еще чувствовала в себе некоторую уверенность, теперь же ее брала жуть. – Где искать? Ты что-нибудь видишь?

– Провалиться мне на этом месте, если я зна… – Женька развернулась на пятках и… исчезла.

Ниночка так и застыла с открытым ртом. Откуда-то снизу донесся сначала треск, потом какие-то шорохи.

– Нина, спускайся сюда! – послышался Женькин голос.

Ниночка сделала шаг, потом еще шаг… она ничего перед собой не видела.

– Женечка, ты где?

– Я здесь! – снова послышался снизу знакомый голос. – Да не бойся ты, спускайся.

Закрыв глаза, словно приготовившись броситься в омут с головой, Ниночка шагнула и стремительно заскользила вниз. Она ойкнула, взмахнула руками от неожиданности и, потеряв равновесие, хлопнулась на пятую точку, съехав по осыпи. Внизу ее уже ждали крепкие Женькины руки.

– Все, я больше не могу! – занудила Ниночка, теперь даже

мысль о потерянном женихе не вселяла в нее мужество. – Я никуда не пойду! Я боюсь.

– Здрасьте! – выпалила Женька. – Таскались по всему городу битый час, а теперь ты заявляешь, что больше никуда не пойдешь? Тебе жених нужен или нет?

– Нужен… но искать я его больше не буду, – в голосе Ниночки прозвучала такая решимость, что Женька сразу поняла: все, ее теперь бульдозером с места не сдвинешь.

Она плюхнулась рядом с Ниночкой на осыпь и подперла щеки руками, задумчиво уставившись в темноту.

– Ну, хорошо, а что ты предлагаешь?

– Пойти в милицию… – несмело произнесла Ниночка, чуть не плача.

– Тогда вставай! – Женька поднялась. – Будем выбираться к старому мосту. А там посмотрим.

Они еще довольно долго брели по темноте, спотыкаясь на камнях, оступаясь и, на чем свет стоит, ругая глупых женихов, которым накануне свадьбы вздумалось топиться.

Они уже подошли почти к самому мосту, когда неожиданно Ниночка ткнула куда-то в темноту и надрывным шепотом произнесла:

– Вон он!

Женька уставилась в том направлении, куда показывала подруга. Ей далеко не сразу удалось разглядеть, что на ограждении моста, свесив ноги, сидит какой-то парень и неторопливо курит. Кончик сигареты то разгорался алым, то

снова затухал. По мосту туда-сюда сновали редкие машины, но парень на них не обращал никакого внимания.

– Ты уверена? – с сомнением поинтересовалась Женька.

Но в Ниночкином голосе не прозвучало и нотки сомнения:

– Да, это он! Неужели ты думаешь, я его не узнаю?!

Она рванулась вперед, но Женька поймала ее за полу кофточки.

– Погоди! Не ходи к нему!

– Почему? – Ниночка ошалело уставилась на подругу.

– Потому что будет лучше, если я сама к нему пойду и спокойно с ним поговорю. А то он сейчас в таком состоянии…

– Он *мой* жених, – предъявила свои права несчастная невеста.

– Да никто его у тебя отбивать и не собирается, – зло зашипела Женька. – Просто он сейчас расстроен, и не известно, как отреагирует на твое появление. А я – человек незнакомый… – Женька бросила взгляд на сидевшего на перилах парня. Опущенные плечи, и то, как он глубоко затягивался, как разгорался огонек его сигареты, все говорило о том, что сейчас он не в лучшем настроении. – Может статься, стоит тебе только подойти к нему, как он нырнет в воду, – зашептала она снова. – Что мне тогда делать?

– Ну, я же рядом! – резонно возразила Ниночка.

Женька только махнула рукой.

– Одним словом, делай, как я тебе говорю. Я подойду, а

ты стой подальше, где-нибудь… вон там, – она указала на раскидистое дерево у самого моста. – И следи за мной. Как только мне удастся с ним договориться, я тебе махну, – заговорщицким тоном сообщила Женька. – Хорошо?

– Хорошо, – нехотя согласилась Ниночка.

Женька вышла на дорогу и направилась прямиком к парню на перилах. Тот лишь оглянулся на нее, а затем снова отвернулся, уставившись на темную воду, быстро пробегавшую под ногами.

– Добрый вечер! – набравшись мужества, выдавила Женька, подходя поближе.

Парень удивленно оглянулся.

– Добрый, – подтвердил он охотно.

Женька насторожилась, в его тоне было нечто многообещающее.

– А мы вас целый вечер разыскиваем, – решила начать с главного Женька.

– Да? – немало удивился жених, слегка поворачиваясь к незнакомой девушке. Он был действительно высок, худощав, с темными волосами, подстриженными ежиком. И даже чуть длинноватый нос совсем его не портил. Женька внимательно присмотрелась к нему. Да, что ни говори, а у Ниночки есть вкус. Симпатичный субъект. – А кто это "мы"? – поинтересовался Гена.

– Я и… моя подруга… – Женька запнулась, не решаясь атаковать слишком открыто. – Надеюсь, понимаете, о ком

идет речь?

– А-а-а, – разочарованно протянул парень. Он затянулся и некоторое время молчал. – А как вы меня нашли? – наконец спросил он скучным тоном.

– Эдик сказал, что вы пошли топиться.

– Эдик? – не поверил собственным ушам Гена. – И вы ему поверили? Да он со своими шутками… погодите, он резко повернулся к Женьке, на его лице появилась озабоченность и даже тревога. – Когда это он вам сказал?

– Да вот, – Женька пожала плечами, – час назад, не больше.

– По телефону?

– Ну что вы, мы к нему домой заходили.

– Так он что, до сих пор не уехал? – жених так и подскочил. Женька услужливо протянула руку, чтобы помочь ему перебраться через перила на мост. – Да у него же все мои доку…

– Да вы так не вол… – начала было Женька, но в этот самый момент молодой человек потерял равновесие и, нелепо взмахнув руками, свалился в воду.

Женька не раздумывая, перемахнула через перила и нырнула следом, совершенно забыв о том, что не умеет плавать. Вода бросилась ей навстречу, и единственное, что успела почувствовать несчастная Женька, как что-то больно ударило ее по ноге, потом черная холодная вода сомкнулась над ее головой, не давая вздохнуть. В следующую секунду ее вы-

бросило на поверхность, она изо всех сил забарабанила по воде руками.

– По… моги… те! – выплевывая изо рта остатки воды, завопила она.

Геночка возвышался над ней, удивленно взирая на свою "спасительницу". Затем он схватил ее за шиворот, словно котенка, и поставил на ноги. Воды оказалось по грудь.

– Зачем вы меня спихнули? – рассерженно спросил он.

Женька от возмущения даже задохнулась: нет, ну какова наглость?! Она изо всех сил тут выбивается, спасает этого идиота, а он, видишь ли, заявляет, что она его спихнула?!

– Я? Вас? Да я… да я… – от обиды и возмущения Женька даже говорить не могла. Она резко развернулась и направилась к берегу, но не успела сделать и шагу, как нога предательски подвернулась, боль пронзила ступню с такой адской силой, что Женька, вскрикнув, плюхнулась в воду, снова погрузившись с головой.

Крепкие руки вытащили ее, правда, теперь уже не за шиворот.

– Что случилось? – голос у Гены был озабоченный и даже немного виноватый.

– Нога… – только и смогла простонать Женька, едва не закатывая глаза от боли.

Он подхватил Женьку на руки и понес к берегу. Там уже бегала перепуганная Ниночка, она всплескивала руками и что-то беспрерывно причитала.

– Эй, девушка! – заорал жених Ниночке. – У вас мобильник есть? Нет? Тогда бегите к телефонной будке, она здесь, неподалеку… вызовите скорую помощь. Ваша подруга ногу сломала!

Боль и в самом деле была невыносима, но Женька сделала над собой усилия:

– Как ты можешь с ней так разговаривать? Она ведь переживает? Я понимаю, ты расстроен, но нельзя же так к человеку относиться. Тем более, она беременна.

– Поздравляю, – буркнул Геночка, без всякой радости в голосе. Он вышел на берег. Вода с него лилась ручьем. С Женьки тоже. Он осторожно усадил ее на мягкую землю.

Женька с ужасом подумала о том, что приключение затягивается все больше, а вещи еще не сложены, дела не доделаны и вообще… еще ее вдруг стало беспокоить поведение самого жениха. Странный какой-то, честное слово. Невесту «девушкой» называет, обращается к ней на «вы», да и не пьян он вовсе… смутные подозрения, которые до сих пор никак не могли оформиться в ясную мысль, вдруг совершенно отчетливо подсказали, что Ниночка могла и ошибиться.

Но выяснять было некогда. Жених принялся осматривать Женькину ногу и даже слегка пощупал ее.

– Тут больно?

– Нет.

– А тут?

– Нет.

– А тут?

– Ой!

– Понятно. Это у вас не перелом, – сообщил он с важностью завзятого доктора. – Просто ушиб, или, скорее всего, вывих. Вы когда прыгали, ногой, случайно, не ударились о дно?

– Не… знаю, – промямлила Женька. – Мне не до того было.

Он сел рядом и полез в карман, вытащил пачку сигарет, из которых потоком хлынула вода.

– Вот незадача! – мокрая пачка сигарет полетела в воду. – Послушайте, а зачем вы вообще ныряли, если плавать не умеете?

– Я думала, ты… вы топиться собрались, – Женька все время сбивалась, не в силах сосредоточиться.

– Ну, знаете! – изумился жених. – Плавать не умеете, а бросаетесь спасать, впервые такое вижу.

– Да мы когда узнали, что ты собрался топиться, так чуть с ума не сошли! – потирая вывихнутую ногу, проворчала художница. – И как только я на такую дурацкую шутку повелась…

– От Эдика чего угодно можно ожидать. Он вообще большой любитель пошутить. Он всех своих приятелей и знакомых разыгрывает. Кстати, "спасительница", тебя как зовут? – жених уже и сам перешел на «ты».

– Женя.

– А меня – Дмитрий, будем знакомы, – и он протянул руку для пожатия.

Женька уставилась на "жениха".

– Как это – Дмитрий? – её охватило такое праведное негодование, что даже боль в ноге забылась. Может, разыгрывает? Ниночка же недаром говорила, что у него никогда не поймешь: говорит он серьезно или шутит.

– Ну, можешь звать меня просто: Дима.

– Так ты не Гена? – выпалила Женька, инстинктивно отодвигаясь от молодого человека подальше. Но тут же боль в ноге прострелила с новой силой. Женька невольно зашипела.

– Больно? – озабоченно поинтересовался Дима, слегка приподнимаясь.

– Нормально, – отрезала Женька, жестом заставив молодого человека опуститься на землю.

– А почему я должен быть Геной? – удивился незнакомец.

– Потому что мы искали Гену, а не тебя! Понимаешь? Ниночка с ним поссорилась, а у них на днях свадьба. А Эдик сказал…

– Да, я уже слышал, – кивнул Дима, – что Гена пошел топиться. А Ниночка, это кто?

– Его невеста, которая побежала звонить.

– А, понятно. Тогда ты-то чего за мной в реку прыгнула?

– Как это чего? Ты же собрался…

«Да, что-то не лепится, – подумала Женька, – как в сказке про белого бычка». Она невольно поморщилась. Уж скорей

бы там Ниночка явилась. Нога болела нестерпимо.

– Слушай, может нам выбраться на мост? – предложила она.

– Здесь круто, я тебя не смогу на руках нести.

– Да я сама дойду, ты только поддержи меня.

Дмитрий отрицательно качнул головой.

– Нет, не получится.

Из темноты, наконец, выскочила Ниночка. У нее было такое выражение лица, словно за ней гнались все сорок разбойников и Али-Баба с лимонкой в зубах.

– Женечка, ты жива? А Ге… – она уставилась на нового знакомого. – А где же Геночка?

– Геночка – тю-тю! – красноречиво помахал ручкой Дмитрий.

Рот у несчастной невесты округлился, она присела на полусогнутых, всплеснув руками:

– Опоздали! – с ужасом выдохнула она.

– Да перестань же ее пугать! – не вытерпела Женька. Она чувствовала, что еще одну Ниночкину истерику она просто не переживет. – Как тебе не стыдно! Ниночка, это не Геночка. Его здесь нет.

– А где же он! – рассерженно потребовала Ниночка, упирая руки в бока, словно Женька прятала ее жениха у себя в мокрых джинсах.

– Господи, да мы-то откуда можем знать! – негодующе выпалил Дмитрий, и Женьку сразу резануло это "мы". Какого

черта? Она и видит-то его впервые в жизни, а он уже… клеится. Вот же шустряк!

– Вы кто? – Ниночка сурово нахмурила редкие бровки.

– Я? Ну, это с какой стороны посмотреть.

– Со стороны фасада, конечно, – деловито вставила Женька. Нет, она совсем не собиралась нападать на этого незнакомца, он не сделал ей ничего плохого, просто она чувствовала необходимость проявить женскую солидарность. К тому же она оказалась в совершенно идиотском положении из-за всей этой свистопляски.

– Со стороны фасада? – немало удивился Дмитрий. – Ну, это смотря, что вас больше всего интересует, – он скромно потупился, ковырнув землю носком мокрого ботинка.

– Но-но! – строго осадила его Женька, – попрошу без всяких там намеков и грязных инсинуаций.

– А, – разочарованно протянула свежевыкупанная жертва досадной случайности: – Вас мои анкетные данные интересуют? Пол мужской, тридцать два, холост, военнообязанный, не привлекался, не судим, не был, не имею…

– Нина, ты скорую вызвала? – перебив бодрый рапорт, окликнула подругу Женька, которой уже стало совсем уж невыносимо сидеть здесь с двумя этими оболтусами.

– Кажется, да, – неуверенно откликнулась беременная.

– Кажется или да? – попыталась уточнить Женька, едва сдерживаясь. Ну, где же это видано, чтобы больного, усталого человека вот так, что называется, бросили на произвол

судьбы. Ей вдруг стало обидно и за себя, и за медицинское обслуживание, и даже за всю страну, которая так наплевательски относится к родным гражданам. Куда же они там все провалились?

Но тут со стороны дороги послышался ужасающий вой милицейской сирены. Машина неслась на полной скорости, на повороте перед мостом, визжа тормозами, она едва вписалась, чуть не навернув задним бампером по столбу. Женька не успела и рта открыть, как машина остановилась на мосту, и из нее выскочило четверо в камуфляжной форме с автоматами наперевес.

– Господи! – простонала Женька, закатывая глаза. – Что ты им там наговорила?

– Ой, не знаю! Я так волновалась…

– Где труп? Где стреляли? Где разборки? – налетел на обалдевшую Ниночку строгий дядька с оружием.

– Какой труп? Какая разборка? Никто не стрелял! – ошалело пролепетало несчастное создание.

– Нет тут никакого трупа! – крикнула Женька, попытавшись подняться на ноги. Дмитрий подхватил ее под руки.

– А зачем тогда нас вызывали? – дядька явно обозлился.

– Мы думали… тут утопленник, – стала неловко оправдываться Ниночка.

– А утопленник тю-тю, – снова помахал ручкой Дима, при этом едва не уронив Женьку, которая стояла на одной ноге.

– Уплыл? – спросил дядька, наваливаясь объемистым жи-

вотом на перила моста.

– Нет, его, оказывается, и не было.

– А вы там что делаете?

– Купаемся.

– В одежде? – дядька подозрительно покосился на Дмитрия. – А ну-ка предъявите ваши документы.

– С удовольствием. Только вы нам помогите отсюда выбраться. У этой гражданки нелады с ногой, подвернула…

Через десять минут они сидели в отделении милиции, хмурый дядька передал их из рук в руки не менее хмурому старшему лейтенанту – тщедушному, с впалой грудью. У него была здоровенная голова, узенькие покатые плечи, и погоны, явно не помещаясь, торчали в разные стороны, как миниатюрные крылышки. Того и гляди полетит, подумала Женька, но благоразумно оставила свои наблюдения при себе. Однако лейтенант отнюдь и не думал летать, наоборот, ходил он странно: вразвалочку, при этом все время обо что-нибудь задевал этими самыми «крылышками». У Женьки был один знакомый мастер спорта по боксу. Он тоже ходил, обо всё задевая чудовищно широкими плечами. Но тот хоть элементарно не вписывался в объемы косяков по габаритам. А когда однажды Женька с возмущением заметила, что просто даже неприлично иметь такие широкие плечи, тот с удовольствием и даже с гордостью заметил, что зато голова у него узенькая. Да, голова у него и в самом деле была узень-

кая, в отличие от лейтенантской. У этого совсем наоборот. Казалось даже странным, что он вообще способен ее держать на тоненькой, цыплячьей шейке. То-то она у него склонялась то на один бок, то на другой.

– Итак, вы утверждаете, что никакого трупа не было, – добросовестно пытался разобраться в создавшейся ситуации доблестный работник милиции.

– Ну, я же вам уже объяснила, – Женька поморщилась, потому что перебинтованная нога по-прежнему болела. Ей было холодно в мокрой одежде. Ей хотелось поскорее напиться чаю с малиновым вареньем и лечь в постель, а их держали тут и, похоже, не собирались отпускать. – Просто друг Гены глупо пошутил, а мы решили, что он действительно пошел топиться.

– Кто пошел топиться? – нетерпеливо перебил Женьку лейтенант, пытаясь установить истину. Лучше бы он этого не делал!

– Труп! Вам же говорят русским языком! – вспылила Ниночка. От этой хрупкой и маленькой особы даже трудно было ожидать подобного взрыва эмоций. – Вы думаете, мы что тут, шутки шутим? – Ниночка подскочила со скамейки и уставилась в упор на лейтенанта. – А если он уже захлебнулся? Если он уже умер, и его холодный труп уносит вниз по течению? А если его прибило где-нибудь у берега, и… – От этой картины, пришедшей в голову, Ниночка неожиданно осознала весь ужас ситуации: ее любимый умер и даже не узнал, что

она ждет от него ребенка, она сделала такие страшные глаза, что лейтенант невольно опустился на стул. – Я же беременна! – жутким голосом сообщила она опешившему блюстителю порядка.

– О Господи! – лейтенанта прошиб пот. Он снял фуражку и вытер мокрый лоб носовым платком. – Так он поэтому пошел топиться?

– Что?!

– Вы по телефону позвонили? – вовремя вмешалась Женька. Она чувствовала, еще секунда, и Ниночку прорвет, а если ее прорвет, то дырой в плотине это не ограничится. Вот тогда она уже точно выложит ему все, что думает, а это… Женька мысленно прикинула – минимум три года тюрьмы, во-первых, за оскорбление официального лица при исполнении служебных обязанностей в тяжелых условиях, приближенных к боевым – поскольку словесная баталия с Ниночкой могла бы приравняться к тяжелому бою в одиночку против взвода… нет, дивизии противника, во-вторых, за антиправительственную агитацию и подрыв демократических устоев общества. Нет, по всем прикидкам получалось восемь. Да, восемь и поражение в правах, со ссылкой в весьма отдаленные районы…

– Позвонил.

– И что вам сказали?

– Сказали, что вашу просьбу передадут.

– Так его что, до сих пор нет дома?! – снова взвилась Ни-

ночка. – Боже! Наверное, его уже снесло вниз по течению, его труп едят рыбы! – она буквально рухнула на скамейку, и слезы хлынули из глаз двумя непрерывными потоками.

Ну, все, Ниночка пустила в ход тяжелую артиллерию. Что же будет, когда она дойдет до ковровой бомбардировки или воздушного налета с выбросом десанта в тыл противника?

В какую-то секунду старший лейтенант и в самом деле растерялся, но только на секунду, наверное, сказалась ежедневная закалка. Он вдруг вскочил со стула, расправив плечи (которые внезапно оказались не такими уж и узенькими), и по-армейски рявкнул так, что в окнах отделения звякнули стекла:

– Отставить слезы!

Женька вздрогнула. У лейтенанта неожиданно прорвался глубокий бас, на который раньше даже и намека не было. Ниночка икнула и замолчала. Поток слез моментально иссяк. Вот, оказывается, как ее надо приводить в чувство, подумала Женька.

Дмитрий сидел рядом и только вздыхал. Ему тоже, как и Женьке было холодно, он хотел домой, но после ниночкиной атаки благоразумно помалкивал. У лейтенанта явно было не то настроение, которое необходимо для вежливых объяснений. Поэтому представитель сильного пола благоразумно отступил и дал возможность объясняться дамам, а поскольку Ниночка мощным нокаутирующим ударом была выведена из игры, то вся ответственность в очередной раз легла на Жень-

кины плечи.

Она вздохнула и принялась объяснять, как они отправились искать будущий труп, благоразумно упустив момент, когда Ниночку заставили выпить целый стакан водки. И чем ближе рассказ подходил к концу, тем сильнее Женька чувствовала, что вели они себя с Ниночкой, как редкостные идиотки. Красноречивый взгляд терпеливо слушавшего лейтенанта говорил о том же самом, видимо, лишь воспитание не позволяло ему выразить истинное отношение к Женькиной истории – простыми, но выразительными народным словами. Но в конечном итоге лейтенант смилостивился и приказал развезти всех по домам. И только к двенадцати часам ночи Женька оказалась в своей притихшей, сонной квартире, где Юрик, намаявшись со стенкой, уже улегся спать, вместе с женой и сыном, а бабушка, сходя с ума от беспокойства, глотала на кухне валериану лошадиными дозами и ругала свой характер.

Глава 5. Непрошенный гость, или ночное приключение…

Нога болела, Женька возилась на кровати чуть ли не всю ночь, примериваясь и так, и этак, и, наконец, под утро, часа в три, задремала…

Как вдруг ее разбудил тоскливый, всхлипывающий голос:

– Не могу я больше так! – плаксиво прозвучало сквозь сон. – Сплошные отрицательные эмоции, – кто-то с чувством, трубно высморкался над самым ухом, и это уже было совсем нестерпимо.

Женька широко открыла глаза, пытаясь вглядеться в темноту. Но куда там! Ни зги не видать.

– Кто тут? – почему-то шепотом поинтересовалась она у темноты.

– Да какая тебе разница, – гундосо отозвалась темнота с таким отчаянием в голосе, что самой захотелось разрыдаться.

Женька потянулась к ночнику и включила его, мягкий свет крохотной лампочки под розовым абажуром осветил комнату, оставляя густую темноту по углам. Художница присела на кровати. Ей казалось, что голос звучал рядом, но на постели никого не оказалось. Она свесилась с кровати, заглянула под нее, едва не ткнувшись носом в старые тапки с об-

трепанными задниками. «Надо бы новые купить», – мелькнуло в голове не к месту и не ко времени.

– Эй, ты где?

Под кроватью тоже никого не было. Женька села на постели, снова внимательно огляделась. Ей казалось, что нормальный человек, столкнувшийся с необъяснимым явлением, должен испытывать если не животный ужас, то, по крайней мере, страх. А то оно как-то даже и непорядочно. Тебя из темноты пугают потусторонними голосами, а ты, вроде как, и пугаться не собираешься. Но сколько Женька не прислушивалась к собственным чувствам, никакого страха в душе и в помине не было. У нее лишь укрепилось подозрение, что это опять проделки Вадима. Любит он пошутить.

– Ну! Ты где? Выходи давай! – строгим голосом скомандовала она. – А то сейчас найду сама, по заднице нашпинделяю[2]! Будешь знать в следующий раз, как разыгрывать.

В дальнем углу комнаты на полу что-то зашевелилось. Темный, маленький комочек.

– Вот так всегда! – огрызнулось нечто серое, похожее на не в меру упитанную крысу или морскую свинку. И нехотя направилось к Женьке, мелко перебирая короткими пушистыми лапками по паркету. Коготки отчетливо клацали в тишине ночи. – Сплошные угрозы. Стараешься, стараешься, из кожи вон лезешь, чтобы сделать для этих людей что-нибудь

[2] Нашпинделять – поколотить, отшлепать, побить, навалять, навешать, отлупить, отколошматить, отдубасить, вздуть, взгреть.

хорошее, и никакой тебе благодарности… – оно вытащило откуда-то платок и шумно сморкнулось, продолжая приближаться.

Женька заворожено следила за неизвестным посетителем. Только когда существо выбралось в пятно света, она сумела его как следует разглядеть – маленькое, чуть больше крысы, бесхвостое, покрытое пушистой, серой шерстью, с большими черными глазами и носом-пуговкой… Оно ей кого-то напоминало. Но вот кого?

– Ты кто? – это был первый и закономерный вопрос, который пришел ей в голову.

– Кто-кто… – ворчливо произнес некто, он подобрался к постели, и в ту же секунду вспрыгнул на нее, ловко, одним неуловимым движением, точно кошка, что совсем не вязалось с его обликом ленивого увальня. – Ангел я. Вот кто.

– Ангел? – оторопело переспросила Женька. На мгновенье забыв о боли в лодыжке, она машинально поджала ноги, словно боялась, что этот самый «ангел» сейчас вцепится ей зубами в пятку и утащит под кровать, а там… а что там? Пыль там, вот что. Уже больше недели без уборки.

Существо по-прежнему передвигалось на задних лапах, надвигаясь по одеялу на нее. Черные блестящие глазки смотрели сердито и даже несколько раздраженно. Существо повело носиком из стороны в сторону, потом сморщилось и шумно чихнуло, в его передних лапках, очень похожих на крохотные ручки, появился платок, оно высморкалось. Женька

узнала свой кружевной платок, который ей когда-то дарила Ниночка на день рождения.

– А где же твои крылья? – не без сарказма поинтересовалась художница, складывая руки на груди.

Существо село, тяжело вздохнуло, платок из лап исчез, как по мановению волшебной палочки:

– В сущности, я уже давно перестал удивляться, – гнусавый голос в тишине комнаты прозвучал достаточно громко. – Знаете ли, все задают одни и те же вопросы, словно с фантазией не в порядке. Крылья! – оно хмыкнуло, саркастически перекосив мордашку. – Кому они нужны, эти крылья? Ну ладно, в средние века еще простительно… тогда ведь кто жил? – оно выжидающе уставилось на горе-хозяйку.

– Кто? – похлопала глазами Женька.

«Если это галлюцинация, то я сошла с ума». Эта мысль почему-то нисколько ее не смутила и не напугала. Шизофрения, факт. Или не факт?

– Необразованные варвары, вот кто, – назидательно произнесло нечто, разводя лапки. – Тогда люди понятия не имели ни об астрале, ни о телекинезе, ни о левитации… а теперь как?

– Как? – уже с любопытством поинтересовалась художница.

– Все образованные, вот как. Книги умные читаете, фантастику всякую, фильмы смотрите… а сами! Тьфу! – существо смачно сплюнуло. Кажется, прямо на кровать.

– Эй, ты, давай, не плюй, не у себя дома! – попыталась приструнить его Женька, но уверенности в голосе не прозвучало.

Во-первых, до сих пор с ней ничего такого в жизни не случалось. Ну, не относилась она к категории людей, которые то с инопланетянами за здорово живешь беседуют, то Лох-Несское чудовище за хвост ловят… Вела она себя тихо и смирно… По крайней мере, ей самой до сих пор именно так и казалось. Во-вторых, Женька всегда считала себя вполне здравомыслящей девушкой. А любовь к фантастике – не криминал. За это никого в тюрьму не сажают, и потом, все она прекрасно понимала: одно дело, когда ты про приключения читаешь на страницах книги, а другое, когда эти приключения самым наглым образом лезут тебе прямо-таки в постель.

– Как это не у себя дома? – мелкий аж шею вытянул, вылупив черные глаза. – А у кого, позвольте узнать?

– Как «у кого»? – Женька свела брови на переносице. – У меня!

– Ой, какие мы строгие, – существо отмахнулось, – может, ты мне еще и счет предъявишь за то, что пользуюсь твоей жилплощадью? – съехидничал он.

– Но живешь же.

– Да не живу, а мучаюсь, – существо сморкнулось, пошмыгало носом, – с вами мучаюсь. Была бы моя воля – давно бы локацию сменил. У вас же не квартира, а настоящий дурдом…

– И сколько же ты живешь в этом «дурдоме»? – поинтересовалась Женя.

– Да уж год.

– И все это время ты тут подслушивал да подсматривал?

– Ой, ой! Какие мы важные! Что ни разговор, так прямо государственная тайна, – с таким же ехидством отозвался ангел. – «Женечка, ты не расстраивайся! – очень писклявым голоском передразнил он Валентину Георгиевну, подражая её интонациям: – Я завтра съезжу к дяде Гоше… ты же знаешь, какой он умелец, он все, что угодно тебе починит… вон, когда у тети Раи сломался телевизор, он же починил!»

– Ну-ка, ну-ка, повтори! – Женька нагнулась и ухватила тапочек, многозначительно помахав им в воздухе.

Ангел заворожено уставился на предмет угрозы, потом хлюпнул носом, снова откуда-то выудил платок, сморкнулся, и только тогда гундосо сообщил:

– Ты, как видно, Женечка, хоть и много читаешь, да только ничегошеньки в твоих мозгах не остается. Куцые они у тебя, как хвост у бобтейла.

От такой наглости Женька чуть тапочку не выронила.

– Ах ты… ах ты… – она ловила ртом воздух, лихорадочно соображая, что бы такого сказать обидного, но в голову, как назло, ничего не приходило. – Крыса облезлая, вот! – нашлась она, наконец. – Живет тут на дармовщинку, так еще и бакости… тьфу ты… какости… О, Господи! Пакости говорит!

– Это я-то на дармовщинку? – ощерился мелкий, упирая крошечные кулачки в бока и воинственно бодая мохнатой головенкой воздух. – Да я тут тружусь, лап не покладая, чтобы кое-кому счастье устроить… а этот кое-кто… не будем тыкать пальцами…

– Да я и без тебя счастье себе заработаю! Видали мы таких помощников! – взвинтилась Женька.

– Знаем, не дураки, что это за счастье такое! Куда собралась? В Америку? А вот тебе твоя Америка! – выпалил ангел, свернув маленькими пальчиками крохотный шиш и покрутив им перед Женькиным носом.

Тапочка просвистела в воздухе, сметая обидчика в темный угол. Женька, вытаращив глаза, захлопнула разинутый рот ладонью: жуть! До рукоприкладство дошло! Уж не убила ли она этого мальца? По гроб жизни себе этого не простит.

Откуда-то из-за кровати помахал обсопливленный кружевной платочек. Ага! Живой! Женьке вдруг стало стыдно: ведь этот маломерок её элементарно провоцирует, а она поддается.

Ангел снова выбрался на простыню, укоризненно покачал мохнатой головенкой и уселся, смешно растопырив задние лапки, передние сцепил пальчиками на круглом пузе, повел плечиками:

– Ну, так и будешь от меня тапочками отмахиваться? – поинтересовался ехидно, и Женьке сразу стало стыдно. И в самом деле, чего это она на мелкого взъелась? Весовая кате-

гория у них слишком уж разная. – Или все же поговорим?

– Извини, – замялась Женька, чувствуя себя не в своей тарелке. – Ну, ты понимаешь, я тут с этой Америкой…

Мохнатый покивал.

– Знаю я, знаю, – оборвал он ее совсем ненужные излияния. – И про Бэтт знаю, и про братца ее двоюродного, и про то, как ты деньги на поездку зарабатывала… все знаю, – мелкий тяжело вздохнул, – где уж нам, не знать… когда… ну… да…

– Ты мне тут кукиш показываешь, а мне, между прочим, эта поездочка таких нервов стоила, – Женька тяжело вздохнула, – да легче в Думу прорваться, чем в эту долбанную Америку!

– А она тебе нужна? – этот неожиданный вопрос заставил ее застыть с открытым ртом. – На кой она тебе, эта Америка? Ты думаешь, тебе там лучше будет?

Только теперь Женька слегка озадачилась. Раньше ей такой вопрос вообще в голову не приходил. Вроде как все хотят в Америку, а она что ж, хуже что ли? Она почесала затылок, пожала плечами и… ничего умного в голову не пришло.

– Ты же не миллиардерша, чтоб по всяким там Америкам и Швейцариям разъезжать, в гостиницах шикарных останавливаться и деньги направо и налево разбрасывать. У тебя что, денег – куры не клюют? – продолжал менторским тоном мелкий.

Женька затрясла головой: нет, мол, не клюют… в смысле,

ни кур, ни особых денег… да даже если бы и куры были…

– А мне, между прочим, еще неизвестно, разрешат сменить локацию или нет. Может статься, что ты без меня в свою Америку покатишь?

Женьку аж пробило от такого заявления. С секунду она ни слова не могла вымолвить, а потом:

– Как это? – подала она голос. – Ты же сам сказал… что ты мне кто? – вопросила она. И сама же ответила. – Ангел хранитель. Ну так…

– Э, милая моя. Я тебе не подчиняюсь. У нас свои институты эгрегориальной власти. Вот перед ними я и отчитываюсь.

– Не поняла? Объясни толком.

– Хранитель-то я, конечно, хранитель, – хмыкнул пушистый, поскреб затылок и тут же добавил: – Да только фронт работ не я определяю. Надо мной начальства знаешь сколько? Да чего я тебе тут рассказываю, – внезапно озлился мелкота. – Над тобой тоже, поди, немало начальства, и всякий норовит покомандовать. Так что забей ты на свою Америку! Ну, ее, к чертовой матери, а то останешься без ангела-хранителя…

– Ну, ты даешь! – только и сумела выдавить Женька оторопело. – Ангел, а вон как ругаешься и богохульствуешь…

Мохнатый шмыркнул носом и заправским движением подтер сопли:

– Так это… ангел-то я, конечно, ангел… да только Богу на

вашу ругань… – он явно было собрался сплюнуть, но припомнив тапочек, вовремя одумался: чем черт не шутит, а вдруг еще раз залепит? Летать по комнате ему явно не хотелось. – Ну, короче, не до вас ему, не до людей… у него под началом вся Вселенная, будь она неладна… вы здесь все хоть забогохульствуйтесь… ой! Как неприлично получилось! – и мелкий запечатал себе мордашку двумя крохотными пушистыми ладошками.

Художнице тоже стало неловко, она поерзала на кровати, и ногу прострелила боль, о которой она совсем забыла, увлеченная нежданным ночным приключением.

– А ты, конечно, большой специалист по богу? – не без сарказма поинтересовалась Женька.

– Ой, вот не надо! Не надо! – повысил тон ангел. – Сарказм неуместен. Уж насчет Бога я побольше вашего знаю.

– Тш! – приложила палец к губам Женька, вспоминая, наконец, что на дворе ночь, все спят. – Народ разбудишь.

– А! – пушистый отмахнулся, – они теперь дрыхнут мертвым сном. Я их того! – и пушистый сделал неопределенный жест лапой.

У Женьки внутри все оборвалось:

– Убил? – выдохнула она перепугано.

– Да ты что! – вылупил глаза кроха. – Бог с тобой! Спят они! Я их… ну… как это… усыпил.

– Понятно, – Женька поелозила на постели, и боль вновь решила напомнить о себе, на сей раз, прострелив до само-

го колена. Художница невольно ойкнула, схватившись за вывихнутую лодыжку, и поморщилась. Тугая повязка давила, но все же хоть немного смягчала боль и не давала ноге двигаться.

– Болит? – сочувственно поинтересовался пушистый, с любопытством вытягивая шею.

– Болит, – честно призналась Женька, поглаживая ногу.

Ангел покряхтел, отрывая пушистый задок, поднялся на кривоватые лапки и неторопливо, солидно, точно заправский доктор, подошел к Женьке поближе, потом вдруг остановился, с сомнением посмотрел на художницу и опасливо поинтересовался:

– Не будешь тапочкой махаться?

Женька энергично замотала головой. Пушистый подошел и стал разминать крохотные лапки. Сейчас он и вправду был похож на маститого массажиста, приступающего к работе. Положив обе ладошки на повязку, он стал возить ими, словно что-то собирая, потом резко вскинул ими вверх, Женька невольно вскрикнула. Было такое впечатление, будто из ноги что-то выдернули. Пушистый отвалился, растопырив лапки в разные стороны. Женька подергала ногой. Боли не было.

– Ой, ну надо же! Не болит!

Без ответа.

– Слышишь? Не болит! Ух ты! – без ответа. – Ты как?

Женька на четвереньках подобралась к пушистику и нависла над ним, внимательно всматриваясь в мордашку. Да

только что там в ней разглядишь? Морда, она и в Африке морда.

– Не мешай! – строго одернул ее ангел, не открывая глаз. – Отдыхаю я. Заправиться бы чем-нибудь. А то от вас не дождешься.

– Заправиться? – Женька непонимающе вздернула брови. – Это как? Там у нас в холодильнике много чего есть… о! Холодец будешь? А еще пирожки…

Пушистый открыл один глаз, левый, и Женька осеклась под его взглядом.

– Вообще-то мы питаемся кое-чем другим… ну да ладно, тащи, что есть, будем есть, – он открыл второй глаз и сел на кровати, растопырив задние лапы. – Ну, чего стоим? Кого ждем? – поинтересовался он словами из рекламы.

Женька дунула на кухню. Притащила холодец, соленые огурчики, три пирожка… Пушистый, унюхав запах съестного, заоблизывался, его черный носик принялся подергиваться из стороны в сторону, точно крохотный хоботок. Тарелку с холодцом он тут же подгреб к себе поближе, ловко орудуя суповой ложкой, а другой лапой уцепил пирожок с капустой… Не успела Женька сосчитать до десяти, как обжористый ангел уже смолотил все, что было подано к столу… э-э-э… к постели… если точнее.

Женька с нескрываемым удивлением следила за его ночной трапезой. Ангел наелся от пуза, сыто отвалился и звучно рыгнул. Громко так, не по размеру.

– Ой, извиняюсь, – нисколько не смущаясь, выдал мелкорослый нахал. – Теперь лучше. Можешь убрать, – барским тоном разрешил он.

– Я тебе что, официантка? – беззлобно отпарировала Женька, но пустые тарелки все же убрала. Вот завтра утром будет переполоху, когда выяснится, что кто-то доел холодец. И как объяснять? Да никак. Не станет же она рассказывать, что у нее тут в комнате заблудившийся ангел квартируется? Женька представила, какими глазами на нее посмотрит мама. Да что мама, а Юрик – завзятый любитель холодца?

– Тебя как звать-то, ангел?

– Меня-то? – пушистый стрельнул на Женьку хитрым взглядом. – Кирюшкой.

– Это от «кирять» что ли? – хохотнула художница, усаживаясь обратно на кровать.

– Это что за грязные инсинуации? – тут же взбеленился ангел. – Уж не будем тыкать пальцами, да только некоторые здесь побольше моего иногда злоупотребляют…

– Я что ли? – ужаснулась художница. – Ты чего врешь?! Когда это?

– Да только вчера, забыла? Ты сколько выпила? Думаешь, я не знаю? Два бокала шампанского, рюмку вишневого ликера, рюмку рябиновой настойки, да еще под конец мартини, тьфу! – снова плюнул ангел. – Кто же так пьет? Уж взялась шампанского пить, так пей шампанское, не мешай… а рыбу… рыбу запивала ликером, – его передернуло так, что

Женьке стало не по себе.

– А чем же ее запивать-то, по-твоему? – недоуменно поинтересовалась она.

– К рыбе надо подавать белое полусухое или сухое, – мечтательно закатывая глаза, сообщил Кирюшка. – И обязательно чтобы картошечку… рассыпчатую… с зеленым лучком и укропчиком…

Женька облизнулась, и почувствовала, как рот наполняется слюной. Ну, чтоб он треснул, этот чертов Кирюшка! Если он и дальше так вкусно будет описывать, она, глядишь, не удержится, да натрескается. В Америке она так вкусно не покушает. У них там все больше пицца да хот-доги. Стоп!

– Трам-там-тарарам! – Женька хлопнула себя по лбу с такой силой, что в голове зашумело.

Кирюшка икнул и подпрыгнул от неожиданности.

– Чего ты?

– Забыла сказать своим, что уезжаю! – выдала Женька. – Из головы – вон.

Кирюшка снова расслабился, лениво завалившись на одеяло.

– Да никуда ты не поедешь, миленькая, – махнул он лапой.

– Как это «не поедешь»? – Женька сразу насторожилась. Шли последние два месяца ее визы в США, и пропускать их она не собиралась. И так уже полгода откладывает поездку. – Что значит…

Она оборвала себя на полуслове, внезапно сообразив, что

эта мелкая пакость напрасно слов на ветер бросать не станет.

– А ну-ка колись, что случилось? – Женька сузила глаза и свела брови на переносице. Ей казалось, что так она выглядит весьма внушительно.

– Ну, во-первых, твои денежки, которые ты откладывала на поездку тю-тю! – ангел помахал лапкой. – Марина на них гарнитур купила. Правда, она их тебе отдаст, но только после праздников. А праздников у нас, – он быстро посчитал по пальцам, – целых одиннадцать дней, так что раньше следующей пятницы ты все равно никуда не поедешь. Во-вторых, Ниночкиного жениха вы еще не нашли. Вот когда найдете, тогда и посмотрим… – Кирюшка хихикнул, явно издеваясь над Женькой. – Она же твоя подруга, или как? Ты должна ей помочь?

– Что значит «должна»? – Женьке снова захотелось взять тапочку и пришибить этого ангельского прохвоста. – Я никому ничего не должна. В конце концов, это ее жених, а не мой!

– А ты не завидуй, – тут же осадил ангел.

– Это я-то завидую?! Ха! Да видала я такого жениха в гробу и в белых тапочках! – Женька скорчила оскорбленную мину. – Да мне самой все эти женихи даром не нужны.

– Ну да, конечно, – съехидничал Кирюшка, усаживаясь поудобней. – То-то Татьяна только и делает, что жениха тебе подыскивает. А брачное агентство, забыла?

Женька вспыхнула. Удар ниже пояса. Да, она ходила в

брачное агентство… это точно. И жениха себе искала, было дело. Женька до сих пор без стыда не могла вспомнить эту свою эпопею. И дернул же черт! Познакомилась тогда на свою голову с каким-то занудой-пацифистом, который учил ее жить, пока она от него не сбежала. Мороженным за все время знакомства – почти три месяца – всего один раз угостил, да и то, видать, пожалел, потому что простыла она с того мороженного и заболела по крупному. Температура подскочила, сопли… одним словом, полный набор приятных ощущений, ничего не скажешь.

– Нечего мне в нос тыкать! Это когда было? Три года назад?

Кирюшка примирительно махнул лапой.

– Да ладно, я что? Я – ничего. Я так, к слову. Не в женихе дело… то есть, в женихе, конечно, только не в твоем, а в Ниночкином. Его найти надо. Обязательно. Ну не бросишь же ты подругу в таком… положении… – прозвучало вполне двусмысленно.

Женька тяжело вздохнула и мысленно согласилась, что бросить Ниночку в такой ситуации было бы действительно настоящим свинством.

– Ну, хорошо, а еще причины будут?

– А то как же! – Кирюшка явно оживился. – Уже сегодня Палыч тебя уволит, и останешься ты без работы.

– То есть как «уволит»?! – не поверила собственным ушам несчастная Женька. – Да чтобы Палыч… да никогда…

– Да еще как! – поделился радостью ангел, похоже, в нем проснулся спавший по сию пору садист. – Сегодня вечером к Палычу придет в гости его старый друг, которому надо срочно пристроить своего сыночка на нехитрую должность. Вот Палыч и постарается ради старой дружбы. А тебе, уж прости, придется искать другую работу.

– Только этого не хватало, – горестно вздохнула сразу поверившая Женька. – Где же я теперь должна работу искать…

– Ну, это мы придумаем, можешь не сомневаться… – Кирюшка покровительственно хмыкнул.

На минуту в комнате наступила зловещая тишина. У Женьки закралось подозрение, что все её неприятности – дело рук… в смысле, дело лап вот этого шустрого маломерка.

– Уж не ты ли ко всему этому лапу приложил? – довольно-таки недобро поинтересовалась она.

– Ну, как тебе сказать, – Ангел смущенно заелозил на кровати, отодвигаясь подальше от художницы. – Приложил… вообще-то… только ты это, того, тапочками не швыряйся, ладно?

– За-че-е-ем?!! – вырвалось у Женьки, готовой разрыдаться.

– Понимаешь, это… ну… так сразу и не объяснишь…

– Да пошел ты со своими объяснениями, недомерок!

Женька шлепнулась на живот и уткнулась носом в подушку, едва сдерживая слезы. Какой он, к черту, ангел? Это прямо диверсант-пакостник какой-то! А, может, ей все это толь-

ко снится? Может, она и в самом деле сходит с ума?

Женька подскочила и уставилась на пустую кровать. Ангела не было и в помине.

– Кирюшка! – шепотом позвала она.

Ответа нет.

– Кирюшка! Ты где?

Молчание.

Ага, значит, приснилось все-таки, подумала расстроенная Женька.

Она тяжело вздохнула, выключила ночник и легла, по привычке завернувшись в одеяло с головой. Она думала, что после всего пережитого теперь точно не сможет уснуть до самого утра, но в сон провалилась, точно в омут, едва голова коснулась подушки. А утром…

Глава 6. И нет нам покоя ни ночью, ни днем…

Утром Женьку разбудила настойчивая трель дверного звонка. Вадим кинулся открывать, шумно протопав голыми пятками, следом прошлепала Марина.

– Я открою! Я открою! – весело кричал племянник. Собираясь на дачу, он всегда походил на радостного щенка, которому предстоит увлекательная прогулка по окрестностям. Женька отлично понимала, почему. Вадим и дома-то никогда сиднем не сидел. У него словно пионерская зорька в одном месте… не станем уж уточнять в каком именно, а на даче… такое раздолье! Крохотный, завалившийся на один бок, домик с большой натяжкой можно было вообще назвать дачей. Женька всегда представляла себе дачу, как нечто среднее между шикарным коттеджем нового русского и сельским пасторальным домиком в стиле à la russe. Эта же покосившаяся развалюха не подходила ни под какую классификацию, кроме… «развалюха». Глиняные стены воняли пылью, а в дождь от них несло грязью и сыростью. Сквозь щелеватый пол лезли мокрицы, комары и прочая «домашняя» живность. Насекомых Женька не то чтобы боялась, но особой любви к ним не питала. А посему предпочитала на дачу не ездить.

Тем более, что кроме Вадима для всех остальных там всегда находилось невероятное количество разной работы: выкопать, закопать, перекопать, откопать, переполоть, выполоть, полить, залить, вылить, и так далее. Женька откровенно не понимала, как можно наслаждаться подобным «отдыхом». Руки по локоть в грязи, стоишь себе кверху… ну, понятно чем, спина сгорает на солнце, голову нещадно напекает, но загаром это назвать трудно.

А посему Женька с ними старалась не ездить. Она считала себя настоящим городским жителем. Она не находила никакого удовольствия в отпугивании целого роя мух, которые с садистским наслаждением лезут тебе в рот и нос, в ухи и всякие другие органы чувств. Комаров Женька особенно не переваривала. Только спадет к вечеру жара, только солнышко зайдет за горизонт и спустится прохлада, развалишься в кресле под ветками яблони, приготовившись расслабиться и подышать мирным свежим воздухом, как тут же над ухом: з-з-з… а потом еще с другой стороны: з-з-з… Отмахиваешься от них, отмахиваешься, потом плюнешь и пойдешь в дом. А ночью какой-нибудь разведчик, из самых смелых и безбашенных: з-з-з-з… только средство от комаров и спасает.

Сон прошел. Женька села на постели, удивленно хлопая глазами. Она помнила, что ночью ей приснился какой-то нелепый сон. Надо же… а вдруг не сон? Женька открыла тумбочку и сунула в ящик нос. Так и есть! То есть, нет! Денег – нет!

Значит, все, что случилось ночью, ей не приснилось. Значит и Кирюшка был. Сейчас, когда сознание работало четко и ясно, случившееся ночью казалось настоящей галлюцинацией. Как в классике – по стене ползет утюг, ты не бойся, это – глюк…

В коридоре послышались голоса, как видно, Вадим все же успел справиться с замком раньше, чем подошла Марина. Потом дверь в комнату открылась и в проем заглянула мама.

– Женечка, ты не спишь? К тебе пришли.

– Ко мне? – Женька в полном недоумении хлопала глазами. Это кого же принесло в такую рань? – Кто?

– Ниночка.

Женька чуть не застонала, но вовремя взяла себя в руки:

– Ма, ты там ей чайку пока сообрази, а я оденусь.

– Как нога?

Женька высунула все еще забинтованную ногу из-под одеяла и покрутила ей, задрав выше головы. Ну, чисто Плисецкая!

– Да нормально, не болит!

– Вот, я же говорила! – обрадовалась мать. – Эта новая мазь творит чудеса.

И она скрылась за дверью. «Ну да, мазь», – скептически хмыкнула Женька, выбираясь из постели. Если бы ни Кирюшка… почему-то мысль об этом странном «ангеле» вызвала в ней нечто вроде теплоты и симпатии. «Немного вздорный типус, но все-таки довольно славный», – подумала

Женька, скидывая с себя ночную сорочку и натягивая привычные джинсы с кремовой водолазкой.

Прямоугольник окна являл собой не слишком приятное зрелище серой кирпичной стены соседнего дома и таких же серых туч, нависших над городом. На даче сейчас совсем уж неуютно и сыро, Женьку невольно передернуло. Слава Богу, что ей туда ехать не придется. И уж коли ей не суждено сегодня отправиться в Москву, то она бы с огромным удовольствием провела этот день в тишине и спокойствии, с любимой книжкой в руках. Женька закончила одеваться, посмотрела на свое отражение в зеркале и тяжело вздохнула при мысли о Ниночке. Не выйдет поваляться кверху пузом. Придется тащиться через весь город и искать ее пропавшего жениха. Вот ведь незадача.

– Да, затучилось небо, дождя не миновать! – раздалось за спиной.

Женька резво обернулась. Прямо на подушке самым наглым образом сидел Кирюшка, закинув лапу на лапу и сомкнув пушистые пальчики под коленкой. Он оценивающе пялился на девушку, меряя ее профессиональным взглядом.

– А…

– Рот захлопни! – посоветовал ангел. – Ночью, значит, все было в порядке, а теперь что? Уже не рада?

– А ты чего это подглядываешь? – сразу же нашлась Женька. – Это ещё что такое? – она наступала на ангела, размахивая ночной сорочкой. – Я вот тебе сейчас, как…

Кирюшка кубарем скатился с кровати:

– Ну и не надо! Ну и ничего тебе не скажу, раз ты такая противная! – выкрикнул он оттуда, не показываясь на глаза.

Женька постояла несколько секунд, на какое-то мгновенье ей показалось, что она совсем уж сходит с ума. Это же надо: ангел-хранитель! Это у неё-то! А может он врет самым беззастенчивым образом? Может это от лукавого?

Женьке захотелось перекреститься и сплюнуть через левое плечо. Но, во-первых, крещеной она не была, в Бога не верила, в церковь не ходила, а посему… а что, собственное, посему? Во-вторых, в приметы Женька тоже не верила. С детства. Ни в черных кошек, ни в пустые ведра… так что, вроде, и плевать было тоже ни к чему.

– Эй, ты! – позвала она Кирюшку примирительно.

Тот сразу же высунул пушистую головенку из-за кровати и уставился на неё черными бусинками глаз.

– А тебя кто-нибудь, кроме меня, видеть может?

– Ну, не знаю… наверное… если человек… как бы это сказать… верит…

– А давай проверим.

– Ну, уж нет. Ты во мне сомневаешься, думаешь, будто я – галлюцинация, вот и хочешь меня кому-нибудь показать. Я такие хитрости на раз секу… – похвастался он.

– Ну и сиди здесь, а я пошла, – Женька закинула ночнушку в шкаф и вышла из комнаты.

«Итак, во-первых, – рассуждала Женька мысленно, стара-

тельно чистя зубы и умываясь, – этот Кирюшка никакая не галлюцинация. Во-вторых, он и правда что-то знает, сказал же он про деньги. В-третьих, он материален, вон как уписывал холодец».

Но вот последнее, как Женьке мнилось, было все-таки галлюцинацией. Бред какой-то. Ангел и холодец. Она на несколько секунд задумалась, глядя на свое отражение в зеркале, потом решительно покачала головой. Да нет, быть такого не может. Это уж ей точно приснилось.

Не приснилось.

– Где мой холодец? – тоном доморощенного трагика вопрошал Юрик. – Кто съел мой холодец? Вадим?!

– Деточку обидели! – Женька закатила глаза.

– Я не ел! – орал из своей комнаты сынуля.

– Он спал! – принялась заступаться за любимого внука бабушка. – Он всю ночь спал!

– А ты откуда знаешь? На часах стояла? – обнаглел от голода Юрик.

– Не смей так с матерью разговаривать! – тут же вставила Марина из своей комнаты.

– Может, это ты съела?

Что-то гулко грохнуло, Марина прибежала из своей комнаты на кухню:

– Я? Обалдел? – Марина вот уже пару месяцев сидела на «диете», правда, пока безрезультатно. Ей, как большинству замужних женщин предсреднего возраста в голову не при-

ходило заняться пробежками или аэробикой. Самый легкий путь – диета и жиросжигающие панталоны на ночь. Правда, здесь возникали некоторые проблемы. Во-первых, панталоны стоили дорого. Семейный бюджет наличие данной вещи в гардеробе никак бы не предусматривал. Во-вторых, из-за отсутствия силы воли Марина смотреть не могла, как остальные члены семьи безнаказанно поедают всякие деликатесы в то время как она сама заваривает себе овсянку. Пару раз она попыталась и всех остальных посадить на такую вот «диету», однако Юрик быстро взбунтовался, и никакие ласковые слова, никакие уговоры и даже окрики не помогли. Ему отъетое пузо было дороже семейных уз.

Ну, все, теперь этот любитель покушать не угомонится до тех пор, пока не узнает правду. Женька направилась прямиком на кухню и остановилась в дверях:

– Я съела, я, и что теперь?

Юрик вопросительно посмотрел на сестренку, открыл было рот, но заметив вызывающий взгляд, рот захлопнул.

– Да нет, ничего, это я так…

– Есть захотела, вот и съела.

Ниночка сидела за столом, перед ней уже стояла большая кружка с горячим чаем, на тарелке стопка блинов. Новоявленная невеста поглощала их с бешенной скоростью, словно их у нее вот-вот отнимут. Женька ужаснулась. Если дело и дальше пойдет такими же темпами, то эта красавица к концу их поисков вообще не влезет ни в одно из своих платьев. И

придется ей под венец идти не в свадебном наряде, а в мешке из-под картошки…

– Ты что делаешь!? – скорчив грозную физиономию, заорала Женька.

Ниночка хрюкнула, подавилась и закашлялась, краснея на глазах, то ли от натуги, то ли от стыда, что само по себе весьма сомнительно.

– Мама! Я же сказала: *чайку*! – Женька решительно отставила тарелку с блинами от греха подальше.

– Ей сейчас надо кушать за двоих! – весомо возразила бабушка, решительно приставляя тарелку обратно поближе к беременной невесте.

Ага, Ниночка уже оповестила всех о своем «интересном» положении.

– А я говорю: ей под венец идти, в платье не влезет! – гнула свое Женька, снова отставляя тарелку.

Вбежал Вадим, цапнул пару блинов прямо со злосчастной тарелки и смылся, не успев получить подзатыльник от Марины.

– А я говорю, пусть ест! – кипятилась мать, она напрочь забыла о плите и сковородке, на которой сейчас пеклось очередное произведение кулинарного искусства. – Влезет или не влезет, теперь это уже не важно! Ей надо ребенка кормить! А если её женишок бросит беременную невесту из-за того, что она прибавит пару килограмм… – и она снова попыталась придвинуть тарелку поближе к Ниночке. Женька упря-

мо вцепилась в другой край.

– Какие там «пара килограмм», у нее же скоро попа будет, как у бегемота! – кричала Женька, не собираясь уступать матери.

– Ага, – вставил Вадим, сунув нос в проем кухонной двери, он уже дожевывал стащенный блин и теперь примеривался к следующему, – и хвостиком будет крутить, как пропеллером – какашки разбрызгивать… я в «Мире животных» видел…

– Иди отсюда, эрудит! – Марина наподдала ему по макушке.

Не известно, чем бы закончилась эта баталия, если бы вопль Юрика не вывел их из состояния затяжного противостояния:

– Мама! Горит!

Валентина Георгиевна кинулась спасать изделие из теста. Столкнулась с Юриком, тот, едва успев удержаться на ногах, взмахнул рукой и снес с холодильника вазочку, Марина кинулась ее спасать…

…в дверь позвонили. Не досмотрев, чем кончится дело на кухне, которая по габаритам была совершенно не приспособлена для нахождения в ней пяти взрослых особей, Женька кинулась в коридор. Кого же там еще черт несет?

Черт принес Стёпу – субтильного «вьюношу лет тридцати» с отвислым брюшком, хлипкими коленями и клочковатой бородкой, которую сам он считал верхом мужественно-

сти. Стёпа, насколько Женька знала, был давно и безнадежно в нее влюблен, еще со школы. Жил он в соседнем подъезде, и Валентина Георгиевна частенько промывала дочери мозги на предмет – не сходить ли ей замуж за Стёпочку. Все-таки семья интеллигентная, мама в каком-то там институте работает – лаборанткой, папа – целый инженер на заводе. Стёпочка был единственным ребенком в семье – ненаглядное дитятко. Чем сей фрукт, вернее, сухофрукт занимался – не знал никто, во всяком случае, его мамаша старательно это от всех скрывала. Однако же непременно намекала, что Стёпочка её – великий гений, и ещё потрясет планету удивительным изобретением. Правда, слава Богу, или Аллаху! – планетотрясение откладывалось год за годом. Женька подозревала, что Стёпочка до сих пор нигде не работает, и сидит у родителей на шее. А насчет потрясения планеты, так это еще какой-то там древний обещал, Архимед, что ли. Типа – дайте мне только точку опоры… ага, щас! Разогнался!

Стёпочка стоял в дверях в шлепанцах, в спортивном трико, замызганном и пузырящемся на коленях, в серой рубашке с короткими рукавами, и с букетом роз в руках. Ну, букет… это громко сказано, конечно. Три крохотные розочки вряд ли можно было бы назвать «букетом». Но даже это несколько озадачило Женьку.

Она вопросительно воззрилась на Стёпочку.

– Доброе утро, – проблеял хиляк, и его тонкие губы исказила заискивающая улыбка.

– Привет, Стёпа, проходи, – Женька приглашающе махнула рукой, а что ещё оставалось делать?

– Упс, – раздалось над самым ухом, – вот этого я не предусмотрел.

Женька вздрогнула, но не более того. Похоже, ей придется привыкнуть к постоянному присутствию ангела.

Стёпочка неуверенно ступил через порог и протянул Женьке свой «роскошный» букет.

– Это тебе! – в его тоне прозвучала такая торжественность, что художница невольно насторожилась. Она торопливо цапнула букет:

– Спасибо! Ты проходи, мы как раз собираемся завтракать, – и с этими словами она постаралась смыться на кухню, надеясь избежать неприятных объяснений, но Стёпа неожиданно проявил невиданную решительность:

– Я пришел к тебе с официальным предложением! – выдал он.

И тут в коридор сразу вывалилась вся семейка. Им тоже стало интересно: кто же там пришел в гости в такую рань, а как еще можно назвать начало десятого в воскресный день, когда всякому порядочному гражданину надлежит отсыпаться после праведного труда. И, конечно же, Валентина Георгиевна уловила краем уха фразу Стёпы.

Женька стояла, чувствуя себя полной идиоткой, нервно теребя пальцами листья роз. Она представления не имела, как повести себя.

– Стёпочка, здравствуй! – елейным голосом запела Валентина Георгиевна, расставляя руки и двигаясь по направлению к желанному гостю, словно бы собираясь заключить его в жаркие объятия. – Как мама?

– Спасибо, все в порядке, – субтильный субъект неловко переступил с ноги на ногу. – Я того… пришел делать официальное предложение… руки и сердца…

– Ни фига себе! – отозвался Юрик.

– Слава Богу! – воскликнула Валентина Георгиевна.

– Ну, начинается! – проворчала Марина, закатывая глаза. Ей явно не терпелось поскорее погрузить пожитки в машину и отправиться на дачу, а тут этот… субъект. Неужели для такого дела будней мало?

– Я пришел официально сделать предложение вашей дочери, – повторил он, обращаясь почему-то только к Валентине Георгиевне, словно чувствуя в ней немалую поддержку.

И в эту секунду от блинов, наконец, оторвалась зажравшаяся невеста.

– Женечка! – возопила она восторженно, напрочь забывая о собственной трагедии. Она кинулась к подруге через весь коридор, обо что-то споткнулась, свалилась Женьке на руки, да так и повисла на её плечах. – Я так счастлива за тебя! – она безуспешно пыталась собрать ножки в кучку. – Поздравляю! Поздравляю! – Ниночка ухватила Женьку за руки и принялась их трясти, точно такса тряпку. Розовый букет мягко шлепал Женьку по носу – ощущение не из прият-

ных. – А давай, я отложу свадьбу! Я уговорю Геночку! Мы обе свадьбы сыграем вместе! Хочешь? – обезумевшая от радости невеста тарахтела, как пулемет, не давая подруге вставить и слова. – А хочешь, я тебе свадебное платье подарю! А еще Алена тебе такую прическу сделает…

Валентина Георгиевна умилённо утирала фартуком глаза, Марина стояла, уперев руки в бока и закатив глаза, Юрик таращился на свою младшую сестричку с нескрываемым любопытством, даже Вадим из гостиной высунул кудлатую голову с гулей на лбу. Из кухни потянуло гарью…

И в этот момент Женьке вдруг стало совершенно плевать: обидит она этого Стёпочку или нет, станет ли дуться на неё мать…

– Нет! – резко произнесла она, разворачиваясь к несостоявшемуся жениху и протягивая ему обратно измочаленный букет. – Извини, Стёпа, ты, конечно, парень хороший, но я тебя не люблю!

Валентина Георгиевна сдавленно охнула, затыкая рот краем фартука. Марина облегченно вздохнула, Юрик почесал затылок. Стёпа пару раз мигнул, точно информация, поступая по длинному спинному мозгу, еще не совсем дошла до копчика, потом выдавил на лицо улыбочку:

– Я понимаю, тебе подумать надо…

– Нет, – отрезала Женька, сжигая за собой мосты. Она силой впихнула ему в руки букет, развернула за плечи и подтолкнула к двери. – Все, до свидания. У меня хлопот – полон

рот…

– Женечка, да как же ты можешь! – возопила мама, хватая Стёпочку за руку и оттаскивая на середину коридора. – Стёпочка, не обращай внимания. Это у нее от радости… сама не знает, что говорит! Пойдем, я тебя чайком напою… блинчиков покушаешь…

– Нам с Ниной пора на поиски отправляться! – попыталась встрять Женька, но куда там! Валентина Георгиевна и слушать ничего не желала:

– Ничего, мне твое счастье дороже.

– Мама!

– Что, мама? – наконец взбеленилась Валентина Георгиевна, готовая кинуться на дочь и вразумить ее любым способом, вплоть до рукоприкладства. – Тебе сколько лет? Восемнадцать? Все принца ждешь на белом коне? Или у тебя что, отбоя от женихов нету? – мама и в самом деле разошлась не на шутку. Даже сизая гарь, слоями тянувшаяся из кухни, уже не могла отвлечь ее от насущной проблемы. – Тебе давно пора замуж. Давно пора детей рожать.

Марина скрылась в кухне, спасать сковородку, Юрик убрел в гостиную, втянув за собой любопытного Вадима. Но Ниночка так и стояла столбом, открыв рот от любопытства. Она таращила глаза и мелко трясла головой. То ли в знак согласия с Женькиной мамой, то ли с перепугу.

– Чем тебе Стёпочка не нравится? Если влюблена в кого-то, так и скажи. Да только какая такая любовь в твоем

возрасте? Тебе уже о том надо думать, как бы побыстрее замуж выскочить, не девочка, чай. Рада должна быть. Такой человек тебе предложение делает – не пьет, не курит, умница, эрудит, семья интеллигентная, – Стёпочка преображался на глазах, он приосанился, развернул плечи, и даже как-то ростом стал повыше. – А какой Стёпочка хозяйственный, – продолжала расхваливать жениха Валентина Георгиевна, – и мусор выносит, и ковры выбивает, и полы моет, и сготовить умеет…

Стёпочка принялся поддакивать со знанием дела, на его лице уже была написана полная уверенность, что он ей своим предложением делает большое одолжение. Завидный жених, черт побери!

– Да за такого любая с радостью пойдет! – наконец заключила Валентина Георгиевна, – а ты, счастья своего не понимаешь, сразу, с порога – нет! Да как ты могла!

– Да! – похоже, Стёпочка уже был в полной уверенности, что Женька вообще не стоит его внимания. Вот еще пигалица! Он, такой завидный жених, себе пару и получше найдет!

Женька застонала, закатив глаза. Ей только этого не хватало. А тут еще Ниночка встряла:

– Миленькая, ну пожалуйста! – она снова ухватила подругу за руку и принялась ее трясти. – Не отказывай! Это же так здорово!

Женьке хотелось крикнуть: да вы только посмотрите, кого вы мне предлагаете! Все в ней протестовало, однако при-

шлось взять себя в руки.

– Ну, хорошо, хорошо, я подумаю! – возопила она, выхватывая у жениха розы, положенные ей по статусу невесты. – Идемте пить чай, мне некогда, нам с Ниночкой надо отправляться!

Ниночка взвизгнула от счастья и чмокнула Женьку в щеку, Валентина Георгиевна повлекла засомневавшегося было Стёпочку в кухню.

– Не переживай, – раздался над самым ухом знакомо нахальный голос ночного ангела, – я это дело улажу. Неделю он к тебе точно приставать не станет, а потом – либо ишак сдохнет, либо – шах дуба даст.

Пару секунд Женька недоумевала, кого же в этой ситуации можно обозвать ишаком, но потом ей вдруг стало спокойно и легко от одной мысли, что рядом есть существо, которое действительно может позаботиться о ней. И даже его слегка склочный характер сути дела не менял.

Завтрак прошел в «теплой, дружественной обстановке», Стёпочка, мелкими глотками прихлебывая горячий чай и в неимоверных количествах поглощая блинчики, поведал миру, что женщина, какая бы она ни была умная, никогда не сравнится в уме с мужчиной, и доказательство тому – вся история человечества. Марина суетилась, собирая вещи для дачи, и потому не особо вдавалась в суть проблемы, а то бы она ему в два счета доказала, кто голубая кость, а кто – так, не пришей кобыле хвост. Женька, скрежетала зубами,

но молчала. Историю с деньгами, которые у нее без спроса слямзили родственнички, она решила не поднимать, не при людях же отношения выяснять. Ниночка внимала с открытым ртом, и даже блинчики поглощала через раз. Валентина Георгиевна, продолжая производить на свет все новые печеные изделия, беспрерывно поддакивала. Собственно, она и не слышала, о чем там повествовал Стёпочка, ей было важнее соглашаться с ним.

Завтрак закончился только через час, Стёпочку наконец выставили, и когда Женька с Ниночкой вышли из подъезда дома, у художницы уже было такое ощущение, будто сейчас не одиннадцать часов утра, а давно за полдень.

– Ну, где будем искать сегодня? – спросила она Ниночку, которая совершенно осоловела от съеденного и плохо соображала. Но всего через пару минут смысл вопроса все-таки дошел до ее сознания.

– Поедем к его маме, – печально произнесла она. – Больше некуда.

– А адрес ты знаешь?

– Знаю, – так же уныло согласилась подружка.

– Тогда – вперед! – Женьке хотелось верить, что это приключение все же закончится достаточно быстро.

Глава 7, которая приводит Женьку в гости

– Кто там? – поинтересовался из-за двери раздраженный женский голос. – Попрошайкам не подаю!

– Мы не попрошайки! – в отчаянии выкрикнула Ниночка, – Мы Гену ищем.

За соседней дверью кто-то интенсивно завозился, явно подсматривали. Женька повернулась и показала глазку язык. Возня повторилась.

– А чего от Геночки надо? – требовательно вопрошал недовольный голос из-за двери.

– Понимаете… он ушел, и я его найти не могу… на работе его нет… – стала объяснять Ниночка, прижимая руки к груди.

– Ясное дело, нет, – с ядовитым сарказмом отозвался голос из-за толстой двери. – Праздник все-таки.

– Я вам вчера звонила… а вы…

– А, так ты та самая прошмондовка, которая проходу не дает моему сыночку? – голос и вовсе озлился.

Ниночка стрельнула отчаянным взглядом в сторону Женьки и вжала голову в плечи. Весь ее испуганный вид говорил: давай уберемся отсюда побыстрее! Но Женька доводам рассудка не вняла. Её словно черт за язык тянул.

– Послушайте, может, вы все-таки откроете? А то не слишком удобно через дверь разговаривать.

Молчание.

– Вы меня слышите? – Женька постучала кулачком по косяку двери.

– Я сейчас милицию вызову! – залязгали замки.

Ниночка вцепилась в Женькин локоть и повисла на нем, как сочная груша на ветке:

– Женечка, давай уйдем! Ну, ее, в самом деле! Я ее боюсь!

– Ну, теперь хоть понятно, чего это твой Геночка так тебя оберегал и прятал подальше от мамочкиных глаз, – посочувствовала художница.

– Уйдем, а?

Но в этот момент дверь распахнулась. На пороге стояла маленькая, тщедушная женщина в длинном, засаленном розовом халате в синеватых разводах. Когда-то разводы были цветами, теперь они с трудом угадывались на блеклом фоне. Темные крашеные волосы с проседью были неряшливо пришпилены на макушке в растрепанную гулю. Тощая, цыплячья шея вытянулась, высокие скулы пылали боевым румянцем, запавшие карие глаза азартно блестели. Хозяйка дома, широко расставив ноги, загородила проем, словно на суверенитет ее квартиры покушались агрессоры в касках.

– Ты, что ли, стучишь? – она уперлась взглядом в Женьку, поскольку Ниночка трусливо пряталась за ее спиной. – Иди, по башке себе постучи! Проваливай отсюда! А то вот я сей-

час швабру возьму, да как отхожу…

– А вы не кричите! – Женька дернула подбородком, наступая на тетку. Она и сама не ожидала от себя подобной прыти, но ее уже несло. – Мы не вас ищем, а Гену. А если его здесь нет, так и скажите. И нечего ругаться!

– Да ты как со мной разговариваешь, соплячка! – брызнув слюной, взвизгнула тощая, выпучивая глаза. Она решительно шагнула вперед, как видно, не желая спускать обидчице. – Мало мне ученичков в школе, всю душу вымотали, так еще и эта… – женщина звучно постучала себя тощим кулаком по впалой груди, звук получился такой, будто пару раз встряхнули мешком с сухими костями. – Умные все стали! – продолжала неистовствовать худышка. – Выучили вас на нашу голову! Чего сюда приперлись? Геночку вам подавай? – она злобно сощурилась, выставив перед собой кукиш. – А это видели?

Женька уже была не рада, что вообще сюда приперлась. И фиг бы с ним, с этим Геночкой. Куда он, к черту денется? Хотя, не удивительно, что с такой мамашей он и в самом деле может на себя руки наложить.

– Валерианочки выпейте, – брякнула Женька, благоразумно давая задний ход. Ниночка за спиной всхлипывала в платочек и тоже пятилась, пока не уперлась пятой точкой в перила лестничной клетки.

– А ну, вон отсюда! – учительница начальных классов со злости затопала тощими ногами в растоптанных шлепан-

цах. – Вон, я сказала!

В этот момент дверь напротив открылась и из нее высунулась мужская щетинистая голова:

– Слушайте, вы меня, конечно, извините, но не могли бы вы кричать потише, – достаточно вежливо попросил парень в линялых джинсах. – Я работаю, а вы тут…

– Сегодня выходной! – тут же переключилась на него Геночкина матушка. – Моя квартира, что хочу, то и делаю! У нас свобода слова! А вы идите к себе и стучите на своем этом, как его… компьютере! Писака несчастный! Знаем мы, чего вы там пишите! Мерзости всякие! Сталина на вас нет! Развелось вас тут, как собак нерезаных…

Парень открыл было рот, чтобы возмутиться, но тут его взгляд остановился на Женькином лице:

– Вы? – изумленно выдохнул потревоженный «писака».

– Ага, – кивнула не менее озадаченная Женька.

– Что? – не поняла Ниночка, высовываясь из-за подружкиного плеча.

– А, так вы друг друга знаете! – уперла руки в бока подозрительная учительница. – Так тут у вас настоящий заговор.

Писатель, как был в одних джинсах, сделал шаг вперед, посильнее распахивая дверь. Сквозняк сыграл злую шутку. Хлоп! Дверь за спиной учительницы русского языка и литературы с грохотом захлопнулась. С секунду стояла гробовая тишина, а затем хилая интеллигентка разразилась таким потоком отборных ругательств, что Женьке захотелось исчез-

нуть куда подальше, а Ниночку внезапно потянуло в туалет.

– Не зайдете? – приглашающе улыбнулся вчерашний знакомый.

Он еще договорить не успел, а Ниночка рванула в спасительную квартиру с такой скоростью, будто за ней гналась стая волков. Женька же стояла и напряженно соображала – так ли уж это прилично, принимать приглашение малознакомого парня. Но ее никто не спрашивал, просто схватили за рукав джинсовой куртки и втянули внутрь. Дверь за спиной захлопнулась, отрезав вопли на лестнице. Ну и крикливая же эта мадам! Впрочем, чему удивляться? Это у нее профессиональное. Поди, перекричи тридцать глоток в классе.

– Как же вы тут оказались? А чего с этой склочницей схлестнулись? Как нога? Болит? Не болит? Прошла? Надо же!

Женька лишь успевала молча трясти головой в такт его словам.

– Кофе? Чай? Водочки? Шампанского? Ликера? – парень уже отбирал у Женьки ее сумку, с улыбкой заглядывая в глаза.

– А туалет у вас тут есть? – пискнула Ниночка.

Новоиспеченный хозяин тут же повлек несчастную гостью в соответствующее заведение, на ходу отдавая указания оторопевшей Женьке:

– Вы проходите в комнату… там вам удобней будет… я сейчас…

Женька скинула туфли и вошла в маленькую комнатку, которая, как оказалось, выполняла роль кабинета, спальни и гостиной одновременно. Ну что ж, это только в современных сериалах у всех главных героев апартаменты не хуже американских, а сами герои – крутые пиплы, рангом не ниже, чем генеральные менеджеры… или как их там еще… ну, одним словом, оч-чень крутые! И денег у них – не меряно. В жизни все гораздо проще и плоше. Новый знакомый… как его там? Дмитрий, что ли? Жил так себе – ничего особенного. Старенькая однокомнатная квартира с облезлыми обоями. Маленький платяной шкафчик притулился в самом углу, диван, компьютерный столик… Девятнадцатидюймовый плоский экран невольно приковал Женькино внимание на несколько секунд. В компьютерах она мало чего понимала, но судя по монитору, да и системному блоку, весело перемигивающемуся на передней панели разноцветными огоньками, уж на это хозяин квартиры денег не жалел.

Прямо на стене, поверх обойных аляповатых цветов, кто-то фломастером накарябал: «Если хочешь поработать, ляг, поспи, и все пройдет!» Женька хмыкнула, по достоинству оценив чувство юмора хозяина квартиры. Прямо на зеркале тоже красовалась надпись, сделанная почему-то губной помадой ярко-бардового цвета: «Крепись, создатель, я с тобой!» Почерки не совпадали. И если первое изречение еще как-то можно было понять, второе вообще не вписывались ни в какое понимание.

Почти за шкафом, в самом углу виднелась дверь, то ли в другую комнату, то ли в кладовку. Все. Больше рассматривать особо было нечего, разве только полки с книгами. Не так уж и много, но вот верхняя была уставлена сплошь изданиями Дмитрия Сулихина. Женька улыбнулась. Приятно думать, что кому-то еще, кроме нее самой, нравятся его романы.

Она машинально подошла к зеркалу, да так и застыла, приподняв руку к голове: на диване развалилась дородная деваха рубенсовских габаритов. Белесый толстый животик свешивался на покрывало, сама мадам лежала, чуть присогнув одну ногу, белая пухлая коленка смотрела в потолок, в руках у девки красовался бокал с чем-то красным, очень похожим на вино. Деваха была совершенно голая и совершенно бесстыдная, потому что, поймав на себе посторонний взгляд, она нисколько не смутилась, а в свою очередь уставилась на Женьку наглым пьяным взглядом.

– Ну, и чего таращишься? – пьяно поинтересовалась деваха. – Что, музы никогда не видела?

Женька резко обернулась к дивану лицом. Никого. Она снова уставилась в зеркало. Деваха исчезла вместе с бокалом вина. Бедная художница так и застыла на месте, от ужаса вытаращив глаза. Ну ладно, Кирюшка. С ним еще как-то можно мириться, но голые бабы… Это уже совсем никуда не годится. Она ущипнула себя за руку. Щипок получился весьма чувствительный.

– Ну, как я, ловко придумал?

– Ой! – Женька подпрыгнула на месте, хватаясь за сердце.

Прямо на спинке дивана примостился ее шерстистый знакомый, развалившись вольготно, как барин в собственной спальне.

– Это твоих рук дело? – зашипела на него Женька, тыча пальцем в зеркало.

Кирюшка бросил взгляд поверх ее плеча в сторону зеркала и только лапкой махнул:

– Ах, это! Да ну, что ты. Это же муза. Наглая, стервозная муза, зажралась, понимаешь… ну ничего, возьмусь я за нее, – в тоне ангела-хранителя не было и тени насмешки. – Я из нее человека сделаю… то есть не человека, то есть музу, только это… – Кирюшка озадаченно почесал пушистый затылок, подбирая подходящие слова.

– Так она мне не привиделась? Она настоящая?

– Она-то? – переспросил Кирюшка. – Еще какая настоящая, скажу я тебе. Раньше работала – будь здоров, а потом, как хозяину удача повалила, так работу забросила, обнаглела совсем. Некому, понимаешь, ее на путь истинный наставить…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.